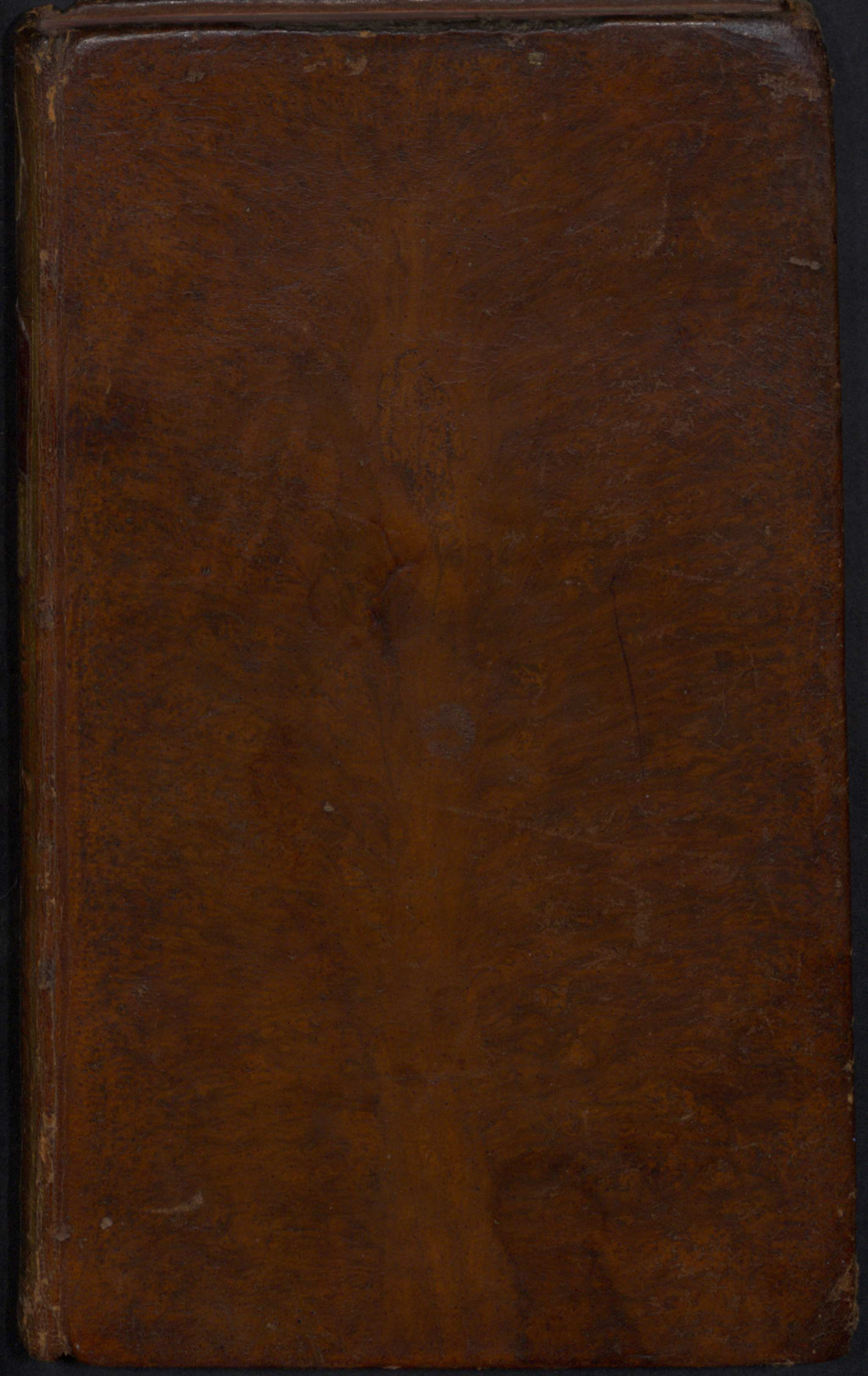
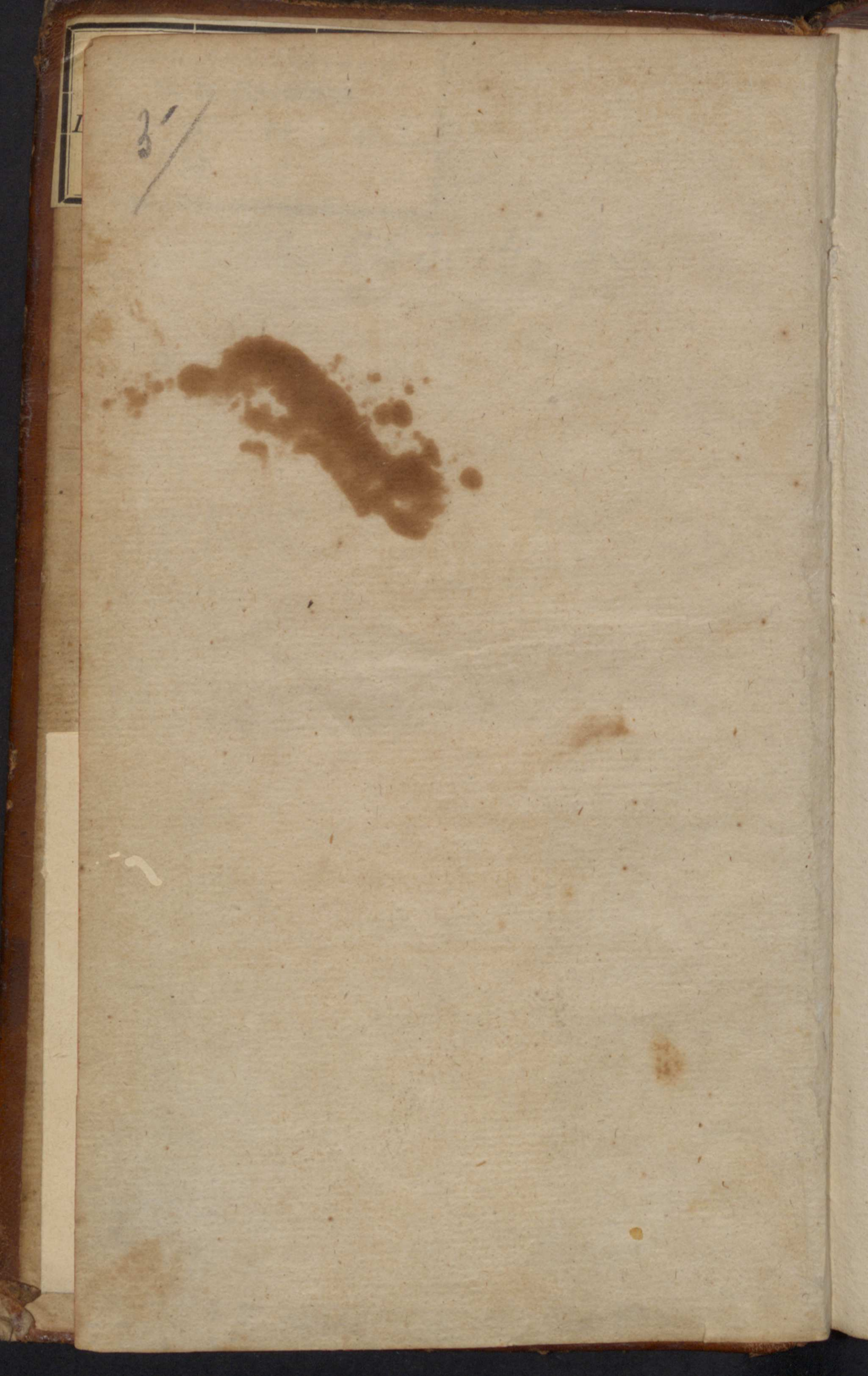

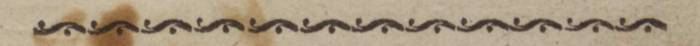
МИКРОМЕГАСЪ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Сочиненїе Г. Волтера.

переведено съ Французскаго

новое исправленное изданїе.

печатано съ дозволенїя указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1788

ОГЛАВЛЕНІЕ

)o(

МИКРОМЕГАСЪ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Путешествіе жителя звѣзды Сиріуса въ планету Сатурнъ, и на землю.

Въ одной изъ планѣтъ, обращающихся во кругъ созвѣздія называемаго *Сиріусомъ*, былъ младый юноша одаренный великимъ разумомъ, котораго я имѣлъ честь знать въ послѣднее его путешествіе на нашей малой муравейной кучкѣ; онъ назывался *Микромегасъ*: таковое имя свойственно всѣмъ великимъ людямъ; а онъ былъ ростомъ въ восемь миль, что составитъ восемдесятъ тысячь шаговъ геометрическихъ, въ пять футовъ каждый.

Нѣкоторые Алгебристы, люди всегда полезные обществу, тотчасъ возмутъ перо и безъ всякаго сомнѣнія станутъ дѣлать вычисленіе, что естьли Г. *Микромегасъ* житель страны *Сириусской*, отъ головы до ногъ былъ мѣрою въ восемдесятъ тысячь шаговъ, что сдѣлаетъ сто двадцать тысячь футовъ королевскихъ; а мы жители земные вышиною не болѣе пяти футовъ; шаръ же нашъ имѣетъ девять тысячь миль въ окружности, то по сему вычисленію узнаютъ они, что должно непремѣнно, чтобъ тотъ шаръ, на коемъ онъ произошелъ на свѣтъ, былъ вѣрно въ 21. миліонъ и въ 600. разъ въ окружности болѣе нашей малой земли; нѣтъ ничего сего простѣе и обыкновеннѣе въ природѣ. Земли нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ и Италіанскихъ владѣтелей, кои можно обоитить во кругъ въ полчаса, въ сравненіи обширности Имперій Россійской, Турецкой и Китайской, могутъ быть весьма сла-

бымъ только изображенїемъ того чудеснаго различїя, которое природа между всѣми существами предположила.

Поелику станъ его превосходительства былъ таковой величины, какъ я о томъ сказалъ выше, то всѣ наши рѣзщики и живописцы безъ труда согласятся, что поясница его должна быть въ 50 тысячь футовъ королевскихъ въ окружности; а сїе учинитъ весьма прекрасную соразмѣрность.

Чтожъ принадлежитъ до его разума, то оный былъ наиострѣйшїй, каковой только имѣть можно; ибо онъ имѣлъ познанїе о многихъ вещахъ, а нѣкоторыя и самъ отъ себя вымыслилъ. Ему не было еще 250 лѣтъ отъ роду, и онъ еще обучался по обыкновенїю въ Iезуитскомъ училищѣ на своей планетѣ, какъ познавалъ уже силою своего разума болѣе пятидесяти предложенїй *Евклидовыхъ*;

осмьнадцатью больше *Блазія Паскаля*, который познавъ изъ оныхъ тридцать два, играючи, какъ то говоритъ сестра его, сдѣлался потомъ нарочито посредственнымъ геометромъ, но весьма худымъ метафизикомъ. *Микромегасъ* не болѣе 450. лѣтъ отъ роду, когда вышелъ изъ младенчества, раздѣлялъ многихъ изъ тѣхъ малыхъ несѣкомыхъ, кои не имѣютъ ста футовъ въ поперешникѣ, и коихъ въ обыкновенные микроскопы (увеличивательные стеклы) никакъ усмотрѣть не возможно. Онъ сочинилъ о семъ весьма любопытную книгу; однакожъ она довольно хлопотъ ему причинила, ибо Муфти *Сиріусской*, старикъ грубой и ничего незнающій, нашелъ въ оной книгѣ измѣренія подозрительными, худоизъясненными, дерзскими, еретическими, наполненными расколомъ, и за то гналъ *Микромегаса* съ жестокостію. Ему потребно было узнать: таковой же ли былъ при-

роды существительный образъ *Сиріусскихъ* блохъ, какъ улитокъ. *Микромегасъ* противъ сего разумно защищался, привлекъ на свою сторону женщинъ, и сей споръ 220. лѣтъ продолжался непрерывно.

Наконецъ Муфти опорочилъ книгу чрезъ судей, которые никогда ее не читали, и сочинитель получилъ повѣленіе, 800. лѣтъ ко двору не являться.

Микромегасъ посредственно печалился, что изгнанъ былъ отъ двора, которой наполненъ одними толко бездѣлками и суетами.

Онъ сочинилъ весьма забавную пѣсню противъ Муфтія; но тотъ ни мало тѣмъ не безпокоился. Послѣ сего *Сиріусецъ* началъ путешествовать изъ одной планѣты въ другую; дабы совершить, какъ говорятъ, изощреніе своего разума и сердца. Тѣ кои путешествуютъ въ почтовой коляскѣ, или въ коретѣ, безъ сомнѣ-

нія удивятся екипажу сего вышняго обитателя; ибо мы человѣки, на нашей грязной кучкѣ, ничего не предприемлемъ сверьхъ силъ нашихъ и употребленія. Сей путешественникъ чудеснымъ образомъ зналъ тягости всѣхъ тѣлъ и всѣ притягательныя и отражательныя силы, и употреблялъ ихъ съ толикимъ успѣхомъ, что иногда съ помощію солнечнаго луча, а иногда посредствомъ кометы, перескакивалъ съ шара на шаръ со всѣми своими сопутниками, равно какъ птица съ одного сука на другой перелѣтаетъ. Онъ въ короткое время пробѣжалъ млечный путь, и я принужденъ признаться, что онъ никогда сквозь звѣздъ, коими сей путь усѣянъ, не видалъ того прекраснаго вышняго неба, о которомъ славный *Викаріи Дергамъ* съ великою надмѣнностію объявляетъ, яко бы на концѣ зрительной своей трубы его видѣлъ. Я говорю сіе не для того, что бы тѣмъ хотѣлъ доказывать, будто бы

Дергамъ худо видѣлъ; боже меня отъ того избави! но единственно для того, что *Микромегасъ* дѣйствительно былъ въ тѣхъ мѣстахъ и что онъ былъ весьма прилежный всѣхъ вещей примѣчатель; впрочемъ я никому не хочу противорѣчить. *Микромигасъ* по довольномъ обращенiи, прибылъ наконецъ въ шаръ *Сатурка*. Сколь ни былъ онъ привыченъ безпрестанно видѣть новыя вещи, однакожъ вдругъ увидя малость сего шара и его жителей, не могъ воздержаться, чтобъ съ надмѣнностiю не усмѣхнуться своему предъ ними превосходству, что со многими премудрѣйшими людьми иногда случается; ибо *Сатурнъ* не болѣе, какъ въ 900 разъ больше земли, а жители сей планеты въ сравненiи съ *Микромесомъ* могутъ почесться совершенными карлами потому, что они ростомъ не больше тысячи саженъ. Съ начала *Микромегасъ* нѣсколько тому смѣялся съ своими сопутниками, подобно

какъ Италїянскїй музыкантъ прїѣхавъ во Францїю насмѣхается музыкѣ Луллїя; но поелику *Сирїусецъ* имѣлъ острый и проницательный разумъ, то очень скоро понялъ, что никакое мыслящее существо не можетъ быть подвержено осмѣянїю тѣмъ, что ростомъ не болѣе шести тысячь футовъ. Съ самаго вступленїя его въ *Сатурнъ*, онъ очень удивилъ собою тамошнихъ жителей; но потомъ вступилъ съ ними въ обхожденїе и свелъ тѣсную дружбу съ секретаремъ Академїи *Сатурнской*, которой былъ человѣкъ весьма разумной, и хотя посправедливости сказать, самъ собою ничего не изобрѣлъ; однакожъ о изобрѣтенїи другихъ дѣлалъ весьма подробныя описанїя; а при томъ изрядно сочинялъ маленькїе стишки и рѣшилъ важныя задачи. Я объявлю здѣсь во удовольствїе читателямъ объ одномъ чудномъ разговорѣ, который *Микромегасъ* имѣлъ нѣкогда съ г: секретаремъ *Сатурнскимъ*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разговоръ Сиріусскаго жителя съ Сатурнскимъ.

Послѣ того, какъ его превосходительство легъ и секретарь приближился къ его лицу: должно признаться, говорилъ *Микромегасъ*, что природа преисполнена многими прекрасными вещами. Конечно, сказалъ *Сатурніанецъ*, природа подобна цвѣтнику, въ которомъ цвѣты ... Ахъ вскричалъ *Микромегасъ*, пожалуй оставь твой цвѣтникъ. Она, продолжалъ секретарь, такъ какъ собраніе бѣлокурыхъ и черноволосыхъ, которыхъ одѣжды ... Какая мнѣ нужда до твоихъ черноволосыхъ! сказалъ *Сиріусецъ*. И такъ она, подобна галлерее, наполненной живописными картинами, коихъ изображеніе .... Ахъ нѣтъ! вскричалъ путешественникъ, я еще тебѣ повторяю: природа, какъ природа, на что изъискивать ей сравненія!

Извольте въ угодность вамъ отвѣтствовалъ секретарь ... Я не требую, чтобъ мнѣ угождали, сказалъ путешественникъ, а хочу, чтобъ меня научали; скажи мнѣ прежде, сколько жители вашего шара имѣютъ въ себѣ чувствъ? ... Мы имѣемъ 72 чувства, говорилъ Академикъ, и каждый день жалуемся, что имѣемъ оныхъ очень мало; наше воображенiе простирается свыше нашихъ потребностей и мы чувствуемъ, что съ нашими 72. чувствами, съ нашимъ огромнымъ небеснымъ обращенiемъ, и съ нашими пятью лунами насъ освѣщающими, мы весьма еще недостаточны; и несмотря на всѣ наше любопытство и на многочисленность страстей, происходящихъ отъ нашихъ семидесяти двухъ чувствъ, мы во всякое время бываемъ подвержены скукѣ. Я сему вѣрю, сказалъ *Микромегасъ*; ибо мы на нашемъ шарѣ имѣемъ близь тысячи чувствъ, однакожъ есть еще и для насъ, не знаю

какое-то колеблющееся желанїе и безпокойство, которое непрестанно намъ вѣщаетъ, что мы не что иное, какъ самомалѣйшая вещь, и что суть твари гораздо насъ совершеннѣе. Я немного путешествовалъ, видѣлъ смертныхъ хуже насъ, видѣлъ также и гораздо насъ превосходнѣе; однакожъ ни одного не видѣлъ, которой бы не имѣлъ болѣе желанїй, нежели сколько имѣетъ истинныхъ надобностей, и болѣе надобностей, нежели сколько потребно къ его удовольствїю. Можетъ быть найду я нѣкогда такую страну, гдѣ ни въ чемъ не имѣютъ недостатка; но до сего времени никто еще мнѣ о таковой странѣ не подавалъ никакого извѣстїя. Тогда *Сатурнїанецъ* и *Сирїусецъ* изъясняли другъ другу свои мнѣнїя; но послѣ многихъ весьма искреннихъ и сомнителныхъ разсужденїй, должно было паки приступить къ важнѣйшимъ разговорамъ... Поскольку лѣтъ жи-

вете вы на свѣтѣ? спрашивалъ *Сирїусецъ.* Ахъ! весьма мало, отвѣтствовалъ малорослой *Сатурнїанецъ* ... По етому и у васъ также какъ у насъ, сказалъ *Сирїусецъ*; ибо мы всѣ приносимъ жалобу на маловременность нашей жизни; надобно думать, что сей законъ есть общїй въ природѣ.. Увы! говорилъ *Сатурнїанецъ*, наша жизнь продолжается не болѣе 500. полныхъ обращенїй солнца. (что учинитъ около 15. тысячь лѣтъ, по нашему исчисленїю) Итакъ вы видите, что должно умереть почти въ самую минуту своего рожденїя; наше бытїе есть не что иное, какъ единый пунктъ, а продолженїе жизни нашей не болѣе одной минуты; шаръ же нашъ не инымъ чемъ можетъ быть почтенъ, какъ самомалѣйшею пылинкою; ибо едва только начнемъ вникать въ малое познанїе, какъ смерть уже къ намъ приближается прежде, нежели достигаемъ мы до истиннаго ис-

пытанія; но что принадлежитъ до меня, я не дерзаю учинить ни малаго въ жизни моей предпріятія; я нахожусь такъ какъ капля въ пространномъ океанѣ, и болѣе всего стыжусь предъ вами, что представляю собою такой странной видъ въ семъ мірѣ.

Микромегасъ на сіе ему отвѣтствовалъ: ежели бы ты не былъ Философъ, то я страшился бы тебя опечалить, увѣдомивъ, что наша жизнь въ 700. разъ долѣе вашей; но тебѣ довольно извѣстно, что естьли надлежитъ тѣло свое предать паки землѣ, и оживить природу въ другомъ видѣ, что называется смертію, и когда минута сего превращенія наступитъ, то все равно, вѣкъ ли кто жилъ, или жилъ только одинъ день. Я былъ въ такихъ странахъ, гдѣ живутъ въ тысячу разъ долѣе моего, но и они о краткости вѣка своего безпрестанно

ропщутъ; однакожъ находятся по всюду люди одаренные здравымъ разсудкомъ, кои умѣютъ разумно располагать своею жизнїю и благодарить Творца природы, которой со избыткомъ наполнилъ вселенную различными вещами, съ нѣкїимъ чудеснымъ согласїемъ и равенствомъ; на примѣръ: всѣ мыслящїя твари, по наружности между собою кажутся различны; но во внутренности всѣ сходствуютъ, ибо всѣ равно одарены мыслїю и желанїемъ; вещество по всюду имѣетъ протяженїе, но въ каждомъ шарѣ снабдено оное различными свойствами. Сколько считаете вы въ вашемъ веществѣ сихъ различныхъ свойствъ? — Ежели вы говорите о тѣхъ свойствахъ, сказалъ *Сатурнїанецъ*, безъ коихъ, какъ думаемъ мы, сей шаръ не могъ бы быть таковымъ, каковымъ онъ есть, то мы оныхъ считаемъ триста; какъ то: *Протяженїе, непроницательность, подвижность, тяжесть, дѣли-*

мость, и пр. — И такъ видно, говорилъ путешественникъ, что сего малаго числа показалося довольно Создателю, въ разсужденіи малости вашего шара. Я удивляюсь во всемъ премудрому расположенію, видя по всюду различія; но по всюду также и соразмѣрности; вашъ шаръ малъ, а потому и жители ваши также не велики; вы имѣете мало чувствъ, для того и вещество ваше немногими одарено свойствами; все сіе премудро устроено Всевышнимъ Провидѣніемъ. Какого цвѣту ваше солнце, по прилѣжному его разсмотрѣнію? — Бѣлаго и весьма желтоватаго, отвѣтствовалъ *Сатурніанецъ*, а когда раздѣляли мы одинъ изъ его лучей, то усматривали, что онъ имѣетъ въ себѣ семь цвѣтовъ. — А наше солнце красновато, сказалъ *Сиріусецъ*, и мы находимъ въ немъ 39. главныхъ цвѣтовъ. Нѣтъ ни одного солнца у всѣхъ тѣхъ жителей, гдѣ я путешествовалъ, которое бы одно

другому было подобно, равно какъ у васъ нѣтъ ни одного лица, которое бы не было отъ всѣхъ другихъ отлично.

Послѣ многихъ таковыхъ разговоровъ, *Микромегасъ* освѣдомлялся: сколько существъ дѣйствительно между собою различныхъ считалося въ *Сатурнѣ*? и услышалъ, что оныхъ не болѣе 30, какъ то: *Богъ*; *пространство*; *вещество*; *протяженныя существа*, *чувствующія*; *существа протяженныя*, *чувствущія* и *мыслящія*; *существа мыслящія*, *но не имѣющія протяженія*; *проницаемыя*; *непроницаемые*; и пр — *Сириусецъ* же объявилъ, что въ ихъ звѣздѣ считалося оныхъ триста, и что онъ находилъ съ три тысячи другихъ, въ своемъ путешествіи, и тѣмъ весьма удивилъ *Сатурнскаго* Философа. Наконецъ, разсказывая другъ другу нѣсколько о томъ, что знали, и много о томъ, чего не знали,

и разсуждая въ продолженiе цѣлаго солнечнаго обращенiя вознамѣрились они вмѣстѣ сдѣлать не большое Философское путешествiе.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Путешествіе двухъ жителей: Сиріусскаго и Сатурнскаго.

Наши два Философа изготовилися плыть по воздушной атмосферѣ *Сатурнской*, снабдивъ себя Математическими инструментами, какъ любовница *Сатурніанцова* услышавъ о его намѣреніи, пришла къ нему со слезами и дѣлала ему свои представленія, ко отвлеченію его отъ сего предпріятія. Она была прекрасная небольшая черноволоска, не болѣе 660 саженъ ростомъ; однакожъ малость росту своего награждала другими многими пріятностями. Ахъ жестокой! кричала она, я съ 1500 лѣтъ упорствуя въ твоей ко мнѣ любви, наконецъ начала нынѣ чувствовать къ тебѣ склонность, и не болѣе 200. лѣтъ препроводила въ твоихъ объятіяхъ, какъ уже ты хочешь меня оставить, и намѣряешся путешествовать

съ Исполиномъ другова свѣта. Ступай, продолжала она, когда ты столько любопытенъ; я вижу, что ты никогда ко мнѣ любви не чувствовалъ, ежели бы ты былъ истинный *Сатурнїанецъ*, то былъ бы мнѣ вѣренъ. По какимъ странамъ ты хочешь скитаться? и какую пользу изъ того приобрѣсти себѣ желаешь? Наши пять лунъ не столь коловратны какъ ты, и наше воздушное кольцо менѣе тебя премѣняется. Теперь узнавъ твое непостоянство, я никого уже больше любить не буду. Философъ ея обнималъ, цѣловалъ и не смотря на всю свою философїю плакалъ съ нею вмѣстѣ. Послѣ сего сїя нѣжная любовница упала въ обморокъ, но опамятовшись пошла себя утѣшить съ однимъ *Сатурнскимъ* петиметромъ. (щоголемъ)

Между тѣмъ сїи два странствователя отправилися въ путь свой. Съ самаго начала вспрыгнули они на небесное коль-

це, которое показалося имъ плоскимъ (такъ какъ весьма справедливо доказывалъ о немъ одинъ славный житель нашего малаго шара) и отъ тудова легко ступали съ одной луны на другую. Тогда нѣкая комета проходила по близости той луны, на которую они ступили; они вскочили на сїю комету со всѣми своими прислужниками и инструментами, и обойдя по ней около 150 милїоновъ миль, встрѣтили сопутниковъ *Юпитера*, а потомъ вступили и въ самый *Юпитеръ*. Тамъ пробыли они цѣлый годъ, въ которое время увѣдомились о многихъ важныхъ сокровенностяхъ, кои могли бы быть здѣсь напечатаны, ежели бы не препятствовали тому Господа Инквизиторы, коимъ нѣкоторыя о семъ предложенїя показались дерзкими; но я о сихъ важныхъ сокровенностяхъ читалъ въ рукописной книгѣ, изъ библїотеки славнаго Архиепископа де*** который показывалъ мнѣ свои книги, съ

тою щедрою благосклонностїю, которую довольно выхвалить не возможно.

Но возвратимся къ нашимъ путешественникамъ. Они вышедъ изъ *Юпитера* прошли около 100. милїоновъ миль и приближалися къ планетѣ *Марсу*, которая какъ всѣмъ извѣстно, въ пятеро меньше нашего малаго шара; тамъ видѣли они двѣ луны освѣщающїя сїю планету, кои не могли быть усмотрѣны нашими Астрономами. Я знаю, что отецъ *Кастелъ* будетъ писать весьма забавнымъ образомъ противъ бытїя сихъ двухъ лунъ; но въ семъ случаѣ я лучше соглашусь съ тѣми, кои судятъ по точной соразмѣрности, ибо сїи добрые философы знаютъ, сколь было бы трудно помыслить, чтобъ *Марсъ* будучи столь отдаленъ отъ солнца, не былъ освѣщаемъ покрайней мѣрѣ двумя лунами. Но какъ бы то ни было; нашимъ путешественникамъ планета сїя показалась столь малою, что они страшась не най-

ши въ ней мѣста для своего отдохновенія, продолжали путь свой далѣе, подобно тѣмъ путешественникамъ, которые презираютъ малымъ деревенскимъ ночлегомъ, а желаютъ достигнуть до ближняго города. Однакожъ *Сіріусецъ* и его товарищь вскорѣ пришли о семъ въ раскаяніе, ибо шедъ долгое время не находили никогда спокойнаго для себя мѣста, гдѣ бы могли остановиться. Наконецъ усмотрѣли они нѣкое малое блистаніе: то была земля. Малость сего шара заставила ихъ сожалѣть о томъ, что оставили обширную планету *Юпитера*; но боясь въ другой разъ ввергнуть себя въ таковое же раскаяніе, вознамѣрилися тутъ остановиться. Ступя на хвостъ кометы и усмотря оттудова восхожденіе утренней зари, сквозь оную взошли они на землю, на сѣверномъ берегѣ Балтійскаго моря, 5го іюля, 1737 года, по новому штилю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Что случилося съ ними на земномъ шорѣ.

Отдохнувъ нѣсколько времени, съѣли они въ завтрикѣ двѣ горы, которыхъ люди ихъ довольно вкусно для нихъ приготовили. Потомъ хотѣли узнать о той странѣ, въ коей находились. Съ начала пошли они отъ сѣвера къ полудни, и какъ обыкновенные шаги *Сирїусцовы* и его сопутниковъ простиралися около тридцати тысячь футовъ королевскихъ, то карла *Сатурнской* бѣжалъ далѣко позади его задыхаясь; ибо надлежало ему ступить 12 шаговъ противъ одного шага *Сирїусцова*. Здѣсь можно представить (ежели позволено будетъ учинить таковыя сравненїя) маленькую постельную собачку, бѣгущую за капитаномъ гвардїи Короля пруского.

Поелику сїи иностранцы шли довольно скоро, то обошли въ 36. часовъ во-

кругЪ всего земнаго шара. Хотя то правда, что солнце, или лучше сказать, земля дѣлаетЪ почти таковое же обращенїе вЪ сутки; однако надлежитЪ подумать, что гораздо легче землѣ вертеться на своей оси, нежели имЪ итти ногами. НаконецЪ пришли они опять кЪ тому же мѣсту, откудова начали путь свой; они видѣли ту лужу почти совсемЪ имЪ непримѣтную, которую у насЪ называютЪ СредиземнымЪ моремЪ, и то малое озерцо, которое подЪ именемЪ великаго Океана окружаетЪ нашу маленькую землянную кучку. Карла вступая вЪ него погружалЪ только половину ноги, а *Усирїусца* и пята чуть только водою покрывалась. Ходя вЪ задЪ и вЪ передЪ, всячески они старались сверьху и снизу разсматривать, былЪ ли сей шарЪ кѣмЪ нибудь обитаемЪ. Они нагибались, ложились, осязали вездѣ руками; но глаза ихЪ и руки по огромности своей не были способны,

чтобъ ощутить малыхъ тварей по землѣ пресмыкающихся; и они не имѣли ни малаго чувства, которое подало бы имъ знакъ, что мы и другїе наши собратїй жители сего шара, имѣемъ честь существовать на свѣтѣ.

Карла судя иногда о всемъ весьма поспѣшно, съ самаго начала заключилъ, что на землѣ не было ни одной жувущей твари; а сїе первое разсужденїе выводилъ онъ по тому, что никого не видалъ; но *Микромегасъ* учтивымъ образомъ далъ ему почувствовать, что онъ судилъ очень несправедливо; ибо, говорилъ онъ ему, ты не видишь твоими малыми глазами нѣкоторыхъ звѣздъ пятидесятой величины, но я ихъ весьма ясно усматриваю; и такъ потому должно ли тебѣ заключать, что сихъ звѣздъ совсемъ нѣтъ въ природѣ. Да я, говорилъ карла, очень много осязалъ руками... Ты хотя и осязалъ, сказалъ ему *Микромегасъ*, однакожъ худо чувство-

валѣ. . . А притомѣ я примѣчаю, продолжалѣ карла, что сей шарѣ расположенѣ весьма худо; все на немѣ непорядочно, и онѣ очень смѣшной видѣ имѣетѣ! все на немѣ представляется вѣ великомѣ смѣшенiи; видишь ли ты эти маленкiе ручейки, изѣ коихѣ ни одинѣ прямою линѣею не протѣкаетѣ; здѣшнiя озера ни круглы ни четвероугольны, ни продолговаты, и не имѣютѣ никакого порядочнаго вида; примѣтны ли тебѣ всѣ сiи острыя песчинки, коими сей шарѣ по всюду утыканѣ, и которыя изцарапали мнѣ всѣ ноги; (сiе онѣ говорилѣ о горахѣ) усматриваешь ли ты видѣ всего шара, какѣ онѣ плоскѣ подлѣ Полюсовѣ, и какѣ не прямо вокругѣ солнца обращается такѣ, что сѣверныя страны, вѣ разсужденiи холоднаго своего климата, совсемѣ опустошенны и лишены всѣхѣ потребностей? По етому-то самому я и заключаю, что здѣсь никто не обитаетѣ; ибо, какѣ кажется мнѣ, на та-

комЪ бѣдномЪ шарѣ, не захотятЪ жить люди сЪ здравымЪ разсудкомЪ... А можетЪ быть, сказалЪ *Микромегас*Ъ, здѣсь живутЪ люди не имѣющїе здраваго разсудка; однакожЪ по всему видно, что сей шарЪ не безЪ намѣренїя созданЪ; ты говоришь, что все на немЪ кажется тебѣ непорядочно, то сїе происходитЪ отЪ того, что вЪ *Сатурнѣ* и вЪ *Юпитерѣ* все расположено по прямымЪ линѣямЪ; и такЪ для сей-то, можетЪ быть, причины, все здѣсь нѣсколько смѣшенно. Не сказывалЪ ли я тебѣ, что вЪ путешествїи моемЪ всегда я примѣчалЪ во всемЪ различїе. *Сатурнїанец*Ъ противЪ всѣхЪ сихЪ разсужденїй спорилЪ, и спорЪ ихЪ никогда бы не прекратился, ежели бы по щастїю *Микромегас*Ъ разгорячась отЪ сихЪ разговоровЪ, не разорвалЪ у себя на шеѣ алмазную нитку. Алмазы попадали на землю; они были прекрасны, однакожЪ очень малы и не равныхЪ країЪ, изЪ ко-

ихъ самые большіе были вѣсомъ въ 400. а меньшіе въ 50. фунтовъ. Карла нѣкоторые изъ сихъ алмазовъ поднялъ и приближивъ оные къ глазамъ своимъ примѣтилъ, что сіи алмазы, будучи съ отмѣннымъ искуствомъ огранены, могли служить на мѣсто самыхъ лучшихъ микроскоповъ. И такъ взявъ одинъ изъ сихъ небольшой микроскопъ во 160. футовъ въ поперешникѣ, поднесъ онъ къ своему глазу; *Микромегасъ* же выбралъ одинъ для себя въ 2500. футовъ. Хотя алмазы отмѣнно были хороши, но сначала ничего сквозь ихъ не могли они видѣть, а надлѣжало болѣе всматриваться. Наконецъ *Сатурнской* житель усмотрѣлъ нѣчто чуть примѣтное, которое шевелилось между водами въ Балтійскомъ морѣ; то былъ китъ. Онъ взялъ его весьма осторожно своимъ мезинцомъ и положа на ноготь большаго своего пальца, показывалъ *Сиріусцу*, которой въ другой разъ началъ смѣяться

чрезвычайной малости жителей нашего шара. *Сатурнїанецъ* тогда увѣрился, что шаръ нашъ былъ обитаемъ, и тотчасъ подумалъ, что онъ весь наполненъ одними только китами; а какъ былъ онъ великой охотникъ разсуждать, то желалъ узнать: отъ чего сїя маленькая пылинка имѣла движенїе, а притомъ имѣла ли она мысли, желанїе, и свободную волю? *Микромегасъ* смотря на кита приходилъ въ великое смятенїе; онъ разсматривалъ сїе животное весьма терпѣливо, и по довольномъ изслѣдованїи заключалъ, что не было способу помыслить, чтобъ въ немъ могла быть душа. Такимъ-то образомъ оба путешественники думали, что разума совсемъ нѣтъ на нашемъ шарѣ, какъ вдругъ съ помощїю микроскопа увидѣли они нѣчто гораздо болѣе кита, плывущее по Балтїйскому морю. Извѣстно, что въ то время собранїе философовъ возвращалися изъ подъ Полярна-

го округа, подъ которой ѣздили они для учиненія нѣкотораго примѣчанія, о чемъ никто еще не помышлялъ прежде того времени. Тогда писали въ Газетахъ, что ихъ корабль сталъ на мѣль у береговъ Боснійскихъ, и что съ великимъ трудомъ спаслись они отъ потопленія; но какъ на семъ свѣтѣ никогда не открываютъ справедливости, то я объявлю искренно, какъ все сіе происходило, ничего отъ себя не прибавя; а сіе не малаго стоитъ труда для истиннаго повѣствователя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Испытанія и разсужденія двухъ путешественниковъ.

Микромегасъ протянулъ тихонько руку къ тому мѣсту, гдѣ предмѣтъ глазамъ его представлялся; приближалъ и отдалялъ пальцы, чтобъ ухватить его безъ ошибки; потомъ разнявъ ихъ и опять сжавъ, схватилъ весьма искусно корабль, на которомъ Господа Философы находились и поставилъ его также на свой ноготь не крѣпко сжимая, страшась, чтобъ не раздавить. Вотъ животное совсемъ отлично отъ перваго, сказалъ *Сатурнской* карла. *Сиріусецъ* положилъ сіе мнимое животное на ладонь свою. Путешествующіе философы и работные на кораблѣ люди подумавъ, что подняты они были жестокою бурею и взнесены на нѣкую каменную гору, всѣ пришли въ великое движеніе. Матросы хватаются за

винныя бочки, выбрасывают их на руку к *Микромегасу* и сами потом из корабля туда же выскакивают. Геометры принимаются за свои инструменты, хватают своих учеников и Лапонских девок, и вылезают на пальцы *Сиріусцовы*. Вскоре после сего почувствовал *Микромегас* нечто щекочущее его в пальцы, что происходило от железнаго большаго лома, который на целый фут воткнули ему в указательный палец. По чувствуя сіе малое уязвленіе думал он, что конечно выходило из сего держимаго им животнаго небольшое жало; однакож скоро не стал ничего больше чувствовать. Микроскоп, сквозь который чуть только усматривали они кита и корабль, не был способен, чтоб с помощію его могли узреть столь малейших тварей, каковы суть человеки. Я не хочу здесь оскорблять ни чьего высокомерія; но принужденным нахожусь

просить во глубину всѣхъ вещей вникающихъ, дабы учинили они со мною нѣкоторое небольшое примѣчанїе; что въ разсужденїи пятифутной величины людей, мы на землѣ не болѣе собою представляемъ вида, какъ на шарѣ въ десять футовъ окружности животное въ 600. тысячную часть дюйма величиною. И такъ, ежели бы кто представилъ въ мысляхъ своихъ такое существо, которое могло бы держать землю въ рукѣ своей, и имѣло бы чувства соразмѣрныя нашимъ (очень случиться можетъ, что есть въ природѣ много таковыхъ существъ) тотъ легко могъ бы заключить: что подумало бы сїе огромное существо о таковыхъ сраженїяхъ, кои иногда стоютъ намъ не болѣе двухъ деревень, однакожъ послѣ и тѣ назадъ возвратить должно. Ежели бы случилось какому великому полководцу прочитать сїе мое сочиненїе, то безъ всякаго

сомнѣнія возвысилъ бы онъ, по крайней мѣрѣ, на два добрые фута шапки на всѣхъ своихъ гранодерахъ, однакожъ я его увѣряю, что сей его трудъ былъ бы тщетенъ, ибо при всемъ его возвышеніи, какъ онъ самъ, такъ и всѣ его люди всегда будутъ чрезвычайно малыми.

Какое чудесное искуство должно было употребить нашему *Сиріусскому* философу для разсмотрѣнія сихъ малѣйшихъ пылинокъ! Когда *Левенгекъ* и *Гартзекъ* первые усмотрѣли, или покрайней мѣрѣ мнимо доказывали намъ о томъ сѣмени, изъ коего мы происходимъ; то оное ихъ откровеніе не столь было удивительно, каковое при семъ случаѣ учинилъ *Микромегасъ*. Какое чувствовалъ онъ утѣшеніе, когда увидѣлъ движеніе сихъ малыхъ червячковъ, разсматривая всѣ ихъ обороты, и примѣчая всѣ ихъ дѣйствія! съ какимъ востортомъ онъ кричалъ, и съ

какою радостїю подавалъ свой Микроскопъ въ руки своему товарищу! Я ихъ вижу, я ихъ вижу, говорили они оба вмѣстѣ. Не видишь ли ты, какъ они тащатъ на себѣ тяжелыя ноши, какъ наклоняются и опять приподнимаются? При сихъ разговорахъ руки у нихъ дрожали отъ радости, видя столь новые предметы; и отъ страха, чтобъ не потерять ихъ изъ вида. *Сатурнїанцу*, который переходя отъ крайней недовѣрчивости къ чрезвычайному легковѣрїю, казалося, что они упражнялися въ любви для размноженїя своего рода. *Ахъ*! вскричалъ онъ, *теперъ-то позналъ я природу въ самомъ ея дѣйствїи*. Однакожъ онъ симъ видомъ обманывался, что часто со многими случается, въ Микроскопъ ли кто смотритъ, или просто.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Что въ разсужденій людей съ ними случилось.

Микромегасъ будучи обстоятельнѣе въ своихъ примѣчаніяхъ, нежели карла, примѣтилъ весьма ясно, что сіи пылинки между собою разговаривали; онъ показалъ то своему товарищу, который стыдясь своей ошибки въ примѣчаніи о ихъ дѣторожденіи, нехотѣлъ вѣрить, чтобъ таковыя малыя твари могли взаимно сообщать свой мысли. Онъ имѣлъ даръ разумѣть всѣ языки, равно какъ и *Сиріусецъ*; но какъ не было ему слышно разговоровъ нашихъ земныхъ пылинокъ, то потому и заключалъ, что они ничего не говорили. А притомъ онъ помышлялъ: какимъ образомъ сіи совсемъ почти не примѣтныя твари могли имѣть произношеніе голоса, и очемъ бы такомъ они

другъ съ другомъ разговаривали? ибо для разговоровъ потребны мысли, или покрайней мѣрѣ хотя малое понятїе; а ежели сни имѣютъ мысли, то должны быть одарены и разумною душею; но чтобъ приписывать одаренїе разумной души таковымъ тварямъ, казалося ему совсемъ нелѣпымъ. Но тебѣ съ начала казалось, говорилъ ему *Сирїусецъ*, что они упражняются въ любви; и такъ не ужели ты думаешь, что можно упражняться въ любви безъ мыслей, и не говоря ни одного слова, или по крайней мѣрѣ безъ изъясненїя своихъ мыслей? не ужели ты полагаешь, что труднѣе изъяснять мысли, нежели производить на свѣтъ младенца? Мнѣ и то и другое кажется самою величайшею тайною, говорилъ карла; теперь уже я совсемъ не дерзаю ни вѣрить, ниже сомнѣваться, и не предлагаю уже больше ни какого мнѣнїя. Постараемся прежде разсмотрѣть сихъ несѣкомыхъ, а по-

помъ будемъ о нихъ дѣлать наши разсужденія. Очень хорошо, сказалъ *Микромегасъ*, и въ тужъ минуту вынувъ ножницы обрѣзалъ себѣ ногти, и изъ обрѣзка одного ногтя съ большаго своего пальца, сдѣлалъ потчасъ большую трубу, подобную самой широкой воронкѣ, сквозь которую говорить было можно. Сію трубу узкимъ концомъ приставилъ онъ себѣ къ уху, а широкимъ обратилъ къ кораблю такъ, что окружность ея покрыла весь корабль со всемъ его грузомъ. Самый слабѣйшій голосъ проходилъ по извитымъ жилкамъ ногтя, и съ помощію сей искусно сдѣланной трубы, вышній философъ могъ слышать совершенно журчаніе нашихъ нижнихъ насѣкомыхъ. Въ нѣсколько часовъ достигъ онъ до того, что различалъ ихъ слова, и наконецъ понялъ, что говорили они по французски. *Сатурнской* карла сдѣлалъ то же, хотя съ большею трудностію. Удивленіе обѣихъ путеше-

ственниковъ каждую минуту приумножалось; ибо они услышали, что сіи червячки разговаривали съ здравымъ разсудкомъ, и сіе дѣйствіе природы казалося имъ совсемъ непонятнымъ. Легко повѣрить можно, что *Сиріусецъ* и его карла, съ нетерпѣливостію желали начать разговоръ съ сими пылинками; но какъ они страшились, чтобъ ихъ громогой голосъ, а особливо *Микромегасовъ*, не оглушилъ оныхъ червячковъ, не будучи совсемъ ими слышанъ, то для сего надлѣжало уменьшить его силу. Они вложили къ себѣ въ ротъ нѣкоторыя тонкія трости, коихъ концы до самаго корабля достигали. *Сиріусецъ* дѣржавъ карлу у себя на коленяхъ, а корабль со всемъ приборомъ на ногтѣ, наклонилъ голову очень низко и говорилъ съ начала весьма тихимъ голосомъ, а наконецъ посрѣдствомъ сихъ и многихъ другихъ предосторожностей, началъ рѣчь свою такимъ образомъ.

Неудобозримыя несѣкомыя! я благодарю Творца, коего всесильная десница благоволила произвести васъ въ пучинѣ безконечной малости, что удостоилъ Онъ меня откровенїемъ сихъ таинъ, кои прежде казалися мнѣ совсемъ неисповѣдимыми. Въ моей странѣ при дворѣ, можетъ быть, не удостоилъ бы васъ никто своимъ взоромъ; но я никого не презираю, и обѣщаю вамъ мое покровительство.

Не можно болѣе удивиться, какъ сїи люди, услышавъ рѣчи *Микромегасовы*. Они не могли понять, отъ кудова оныя происходили. Корабельный священникъ читалъ заклинательныя молитвы, матросы призывали Бога, а философы дѣлали новыя изслѣдованїя; но сколько они ни старались въ изобрѣтенїи новой Системы, однакожъ никакъ не могли познать, кто говорилъ съ ними. *Сатурнской* карла, имѣя голосъ тише *Микромегасова*, увѣдомилъ

ихъ въ короткихъ словахъ, какого рода съ людьми имѣли они дѣло. Онъ имъ расказалъ о путешествіи *Сатурнскомъ*; объявилъ, кто таковъ былъ Господинъ *Микромегасъ*, и оказавъ имъ свое сожалѣніе, что они были такъ малы, спрашивалъ у нихъ: всегда ли они были въ семъ презрительномъ состояніи столь блискомъ къ ничтожеству; что дѣлали они на шарѣ, которой, какъ казалося, наполненъ былъ одними только китами; были ли они щасливы; размножались ли они; имѣютъ ли въ себѣ душу? и со сто другихъ подобныхъ симъ дѣлалъ имъ вопросовъ.

Одинъ мудрецъ изъ философской шайки, будучи смѣлѣе другихъ, и сочтя себѣ въ обиду, что сомнѣваются о его душѣ, разсматривалъ сего вопрошателя Геометрическими линѣями, протянутыми на четверокружіи; онъ сдѣлалъ два возвышенія, и при третіемъ говорилъ такимъ об-

разомъ: Вы такъ думаете, Государь мой, потому, что вы мѣрою отъ головы до ногъ тысяча саженъ, и что вы... Тысяча саженъ! вскричалъ карла, праведное небо! почему можетъ онъ знать вышину мою? тысяча саженъ! онъ ни однимъ вершкомъ не ошибся; возможно ли! сїя пылинка меня измѣрила! онъ Геометръ! онъ знаетъ мою вышину! а я не иначе вижу его, какъ сквозь увеличивательное стекло, и незнаю еще точной вышины его! Конечно, я тебя измѣрилъ, сказалъ Физикъ, и также справедливо измѣрю огромнаго твоего товарища. Предложенїе сїе было принято, и его превосходительство легъ; ибо ежели бы онъ стоялъ, то голова его была бы гораздо выше облаковъ. Наши Философы, воткнули ему превеликой деревянной шестъ въ то мѣсто, которое Докторъ Свифтъ назвалъ бы по имени; но я изъ великаго почтенїя къ женщинамъ удержусь отъ сего названїя. По-

томъ съ помощїю многихъ вмѣстѣ связанныхъ триугольниковъ, заключили они, что онъ былъ дѣйствительно молодой человѣкъ, величиною во 120. тысячь футофъ Королевскихъ.

Тогда *Микромегасъ* говорилъ: теперь я вижу, что никогда не должно судить ни о чемъ по видимой величинѣ. О боже! одарившїй премудростїю сихъ тварей, кои по наружному виду кажутся презрительными; теперь я вижу, что и безконечно малыя, равно премудро тобою устроены, какъ и безконечно великїя; и ежели возможно быть тварямъ еще менѣе сихъ, то безъ всякаго сомнѣнїя они могутъ имѣть разумъ превосходнѣйшїй предъ тѣми огромными животными, которыхъ видѣлъ я въ небѣ, и коихъ единая нога закрыла бы совсемъ сей малый шаръ, на которомъ теперь я обрѣтаюсь.

Одинъ изъ философовъ ему на сїе отвѣтствовалъ: что по справедливости онъ

можетъ быть увѣренъ, что дѣйствительно есть разумныя твари гораздо меньше человѣка. Посемъ онъ ему расказывалъ: не то, что *Виргилій* говорилъ баснословно о пчелахъ; но то, что *Сваммердамъ* открылъ, и что *Реамюръ* совершенно доказалъ; а наконецъ объявилъ ему, что есть и такія животныя, кои стольже малы передъ пчелами, сколь пчелы малы передъ людьми; равнымъ образомъ, каковъ есть и самъ *Сиріусецъ* передъ тѣми огромными животными, о которыхъ онъ говорилъ, и каковы суть тѣ огромныя животныя передъ другими созданіями, въ сравненіи съ коими они не болѣе бы показались, какъ самомалѣйшія пылинки. Мало по малу разговоръ между ими становился важнѣе, и *Микромегасъ* говорилъ имъ такимъ образомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Разговоръ съ людьми.

Разумныя пылинки! чрезъ сотворенїе которыхъ, Превѣчное Существо благоволило открыть премудрость свою и могущество; безъ сомнѣнїя должны вы вкушать сладчайшїя утѣхи на вашемъ шарѣ, ибо будучи составлены изъ столь малаго вещества и преисполнены толикимъ разумомъ, вы должны проводить вашу жизнь въ любви и мудромъ размышленїи: таковая жизнь свойственна столь мудрымъ существамъ. Я нигдѣ еще не видалъ истиннаго блаженства; но здѣсь конечно его обрѣтаю. При сихъ словахъ всѣ Философы закачали головами, и одинъ изъ нихъ, будучи всѣхъ откровеннѣе, признавался чистосердечно, что выключая нѣкотораго токмо весьма малаго числа неважныхъ жителей, всѣ прочїе не что иное суть, какъ собранїе безумцевъ, злыхъ, и

нещастныхъ. Мы имѣемъ въ себѣ болѣе вещества, нежели сколько намъ потребно, говорилъ онъ, для содѣланія многаго зла, ежели зло отъ вещества происходитъ; и слишкомъ уже много разума, ежели также зло отъ разума рождается. Знаете ли вы, напримѣръ, что въ сей самый часъ, какъ я съ вами говорю, сто тысячь безумцевъ нашего рода, покрытые шляпами, убиваютъ сто тысячь другихъ подобныхъ себѣ животныхъ, покрытыхъ челмами, или сами отъ нихъ погибаютъ; и почти по всей землѣ съ самыхъ древнихъ временъ такимъ образомъ всегда поступали. *Сиріусенъ* содрогнулся отъ ужаса, и спрашивалъ: какая бы могла быть причина симъ жестокимъ ссорамъ между столь бѣдными тварями? Дѣло идетъ, говорилъ Философъ, о нѣсколькихъ кучкахъ грязи, величиною не болѣе вашей пяты; не для того, чтобъ кто нибудь изъ сихъ миліоновъ людей, кои между собою рѣжутся, имѣлъ

на сихъ грязныхъ кучкахъ свой хлебные колосья; но дѣло идетъ только о томъ, чтобъ узнать, будутъ ли оныя кучки принадлѣжать нѣкоторому человѣку, котораго называютъ *Султаномъ*, или другому, котораго не знаю по чему именуютъ *Цесаремъ*. Изъ сихъ двухъ особъ, ни тотъ ни другой никогда не видали и никогда не увидятъ того малаго уголка земли, за которую ссорются, и почти ни одинъ изъ тѣхъ животныхъ, кои взаимно другъ друга убиваютъ, никогда также не видалъ того животнаго, за котораго дерутся.

Ахъ нещастные! вскричалъ съ досадою *Сирїусецъ*, возможно ли бы было подумать, чтобъ вы имѣли толико звѣрства! желалъ бы я ступить три шага, и тремя ударами раздавить всю сїю муравейную кучку, наполненную смѣшными и гнусными убїйцами. Не безпокойтесь, говорили ему фило-

софы, они сами довольно трудятся о своей погибели. Знайте, что по прошествіи десяти лѣтъ, не остается никогда сотой части сихъ нещастныхъ, и вѣдайте, что хотя бы они и не употребляли меча ко убіенію другъ друга, то голодъ, изнуреніе и не воздержность почти всѣхъ ихъ похищаетъ. А сверьхъ того, не ихъ за сіе наказывать должно, но тѣхъ безпечныхъ Сидней, кои сидя въ своемъ кабинетѣ повелѣваютъ убивать миліоны людей, и кои потомъ торжественно за сіе благодарятъ Бога. Путешественникъ почувствовалъ крайнее сожалѣніе о маломъ родѣ человѣческомъ, въ столь удивительной враждѣ непрестанно пребывающемъ. Но когда вы изъ малаго числа мудрецовъ, говорилъ онъ Господамъ Философамъ, и по видимому никого за деньги не убиваете; то пожалуйте мнѣ скажите: въ чемъ вы упражняетесь? Мы анатомимъ мухъ, говорилъ Философъ, измѣряемъ линѣи, соби-

раемъ исчисленія; мы иногда соглашаемся въ двухъ или трехъ пунктахъ, которые совершенно понимаемъ, и споримъ о двухъ, или о трехъ тысячахъ, коихъ совсемъ не постигаемъ. Тутъ вдругъ *Сиріусцу* и *Сатурніацу* пришло на мысль, спросить у сихъ мыслящихъ пылинокъ о нѣкоторыхъ вещахъ, о коихъ наиболѣе вѣдать желали. Сколько щитаете вы, говорили они, отъ *Песей звѣзды* до Созвѣздія *Близнецовъ*? Тогда всѣ философы вдругъ отвѣчали: 32 градуда споловиною. — Сколько разстояніемъ полагаете вы отъ васъ до луны? — 60 земляныхъ полупоперешниковъ, въ круглыхъ числахъ. — Сколько вѣситъ вашъ воздухъ? — Симъ вопросомъ они думали привести ихъ въ замѣшательство; но Философы всѣ вдругъ отвѣчали: что воздухъ ихъ вѣсомъ, около 900 разъ меньше, нежели такое же количество самолегчайшей

воды, и въ 1900 разъ меньше, нежели столько же червоннаго золота. — *Сатурнской* карла удивляясь ихъ отвѣтамъ, принужденъ былъ почесть волшебниками, тѣхъ самыхъ людей, которыхъ за четверть часа передъ тѣмъ, считалъ совсемъ души въ себѣ не имѣющими.

Наконецъ *Микромегасъ* имъ сказалъ; когда вы столь совершенно знаете о томъ, что внѣ васъ находится, то безъ сомнѣнія еще лучше вѣдаете о томъ, что во внутренности вашей обрѣтается; и такъ скажите мнѣ, что такое есть ваша душа? — Философы также какъ и прежде заговорили всѣ вдругъ; однакожъ всѣ предлагали различныя мнѣнія. Старшій изъ нихъ предлагалъ мнѣніе *Аристотелево*, другой произносилъ имя *Картезіево*, третій говорилъ о *Малебраншѣ*, иной о *Лейбницѣ*, а иной о *Локкѣ*. Одинъ старый *Перипатетикъ* съ увѣреніемъ за-

кричалъ громко: *Душа есть духъ, или разумъ, чрезъ который имѣетъ она силу быть тѣмъ, что она есть;* о чемъ объявляетъ ясно *Аристотель* на страницѣ 633. луврскаго изданія. Тутъ говорилъ онъ нѣчто на греческомъ языкѣ.

Я не очень хорошо разумѣю по гречески, сказалъ Исполинъ. Да и я также не разумѣю, говорилъ Философъ. Но для чего же ты, прервалъ его *Сиріусецъ*, приводишь въ примѣръ мнѣніе нѣкотораго *Аристотеля* на греческомъ языкѣ? Для того, отвѣчалъ мудрецъ, что должно говорить о томъ, чего не понимаешь, на такомъ языкѣ, котораго всѣхъ меньше разумѣешь.

Потомъ *Картезіевъ* ученикъ началъ рѣчь свою, и говорилъ: что душа есть чистѣйшій духъ, получившій во чревѣ матери своей всѣ Метафизическія понятія; но который вышедъ отъ туда, принужденъ опять итти въ школу, дабы совсемъ съ

изнова научаться всему тому, что прежде сїя душа знала уже совершенно, и чего послѣ опять совсемъ знать не будетъ. Поэтому совсемъ было не нужно, говорило восмимильное животное, душѣ твоей быть весьма знающею во чревѣ матери твоей, естьли она столь безумна въ то время, когда уже выросли волосы на бородѣ твоей; но что же ты разумѣешь о духѣ? — О чемъ вы меня вопрошаете? сказалъ мудрецъ; я о семъ ни малаго не имѣю понятїя; говорятъ, что онъ невещественъ. — Но знаешь ли ты по крайней мѣрѣ, что такое есть вещество? — Очень знаю, отвѣтствовалъ человѣкъ. На примѣръ: сей камень есть сѣраго цвѣта, который имѣя свое образованїе, имѣетъ также свои три измѣренїя, и есть тяжелъ и раздѣлимъ. Очень хорошо, говорилъ *Сирїусецъ*, сей камень кажется тебѣ раздѣлимымъ, тяжелымъ, и сѣраго цвѣта; но скажешь ли ты

мнѣ о немъ, что такое онъ есть? Ты познаешь только нѣкоторыя его наружныя свойства; но вникаешь ли въ его внутренность? Нѣтъ, отвѣчалъ Философъ. — И такъ по видимому, ты совсемъ не знаешь, что такое есть вещество.

Тогда Господинъ *Микромегасъ*, оборотясь къ другому мудрецу, котораго держалъ на большомъ своемъ пальцѣ, у него спросилъ: Что разумѣетъ онъ о душѣ своей, и какїя ей приписываетъ совершенства? Я ничего не знаю, отвѣтствовалъ Философъ, слѣдующїй *Малебраншевой* Системѣ; Богъ все для меня производитъ, я все въ немъ единомъ вижу, все чрезъ него дѣлаю, и онъ все творитъ такъ, что я самъ ни во что не вмѣшиваюсь. — Ежели слѣдовать такому мнѣнїю, то лучше совсемъ небыть насвѣтѣ, нежели не имѣть никакого попеченїя, сказалъ мудрецъ *Сирїусской*. А ты, мой другъ, говорилъ онъ *Лейбни*-

цїеву послѣдователю, что думаешь о душѣ твоей? — Она есть, сказалъ Философъ, стрѣла показующая часы въ то время, когда тѣло мое движенїемъ дѣйствуетъ; или если вамъ угодно, она движенїемъ моимъ дѣйствуетъ въ то время, какъ тѣло мое часы показуетъ; или лучше сказать, душа моя есть зеркало вселенной, а тѣло мое есть рамы того зеркала. Кажется, что сїе весьма ясно.

Не по далеку оттуда, стоялъ малый послѣдователь *Локка*; и когда у него о томъ же вопросили; то онъ отвѣчалъ: Я не знаю какихъ я о семъ мыслей; но вѣдаю только то, что я никогда ни о чемъ не помышляю иначе, какъ съ помощїю чувствъ моихъ; что есть невещественныя и разумныя существа, о томъ я нимало не сомнѣваюсь, но чтобъ не возможно было Богу одарить мыслїю и самое грубое вещество, о томъ я весьма сомнѣваюсь. Я чту вѣчное Все-

могущество, и мнѣ не довлѣетъ предполагать ему границы; я ничего слабымъ моимъ понятiемъ не утверждаю, и довольствуяся тѣмъ вѣрю, что есть болѣе вещей возможныхъ, нежели какъ осемъ думаютъ.

Сирïусецъ при сихъ словахъ усмѣхнулся; онъ счелъ сего Философа не менѣе другихъ разумнымъ; а *Сатурнскiй* карла хотѣлъ было обнять сего послѣдователя *Локкова*, не взирая на чрезмѣрное свое съ нимъ неравенство; но понещастiю случился тамъ одинъ маленкiй червякъ въ четвероугольной шапкѣ, который прервавъ рѣчи Философовы сказалъ: что онъ всю тайну совершенно постигаетъ, и что оная вся означалась въ доказательствахъ *С. Фомы*. Онъ разсматривалъ съ головы до ногъ небесныхъ жителей и утверждалъ, что ихъ тѣла, ихъ мiры, ихъ солнцы, и ихъ звѣзды, всѣ были созданы единст-

венно для человѣка. При сихъ его глупыхъ рѣчахъ оба путешественники упали одинъ на другаго отъ чрезвычайнаго смѣха, каковой по описанїю *Гомера* единымъ токмо богамъ свойственъ; ихъ плечи и животъ въ безпрестанномъ были движенїи; отъ чего корабль, который *Сирїусецъ* держалъ на ногтю своемъ, упалъ въ штанный карманъ къ *Сатурнїанцу*, котораго сїи добрые люди долго искали, и наконецъ нашедъ поставили опять искусно со всемъ приборомъ въ прежнее положенїе. *Сирїусецъ* посадилъ по прежнему малыхъ червячковъ къ себѣ на руку, и разговаривалъ съ ними еще нѣсколько времени весьма благосклонно; хотя внутренно досадовалъ, что сїи безконечно малыя твари, имѣли почти безконечно великое высокомѣрїе. Онъ обѣщалъ имъ дать хорошую философическую книгу, писанную самыми мелкими буквами, дабы могла оная служить для ихъ употребленїя; увѣряя ихъ, что въ ней уви-

дятъ они конецъ всѣмъ вещамъ. Въ самомъ дѣлѣ предъ отшествїемъ своимъ далъ онъ имъ сїю книгу, которую привезли они въ Парижскую Академїю наукъ; но секретарь при открытїи оной книги ничего въ ней не находилъ, кромѣ бѣлыхъ листовъ. *Ахъ!* сказалъ онъ, *сомнѣнїя мои о сей книгѣ были очень справедливы.*

Конецъ.

ОБРЯДЫ.

ОБРЯДЫ.

Сіи предметы, кои были бы безполезными, и даже весьма безумными въ наисовершеннѣйшей природѣ; но въ нашей поврежденной природѣ они очень нужны.

Китайцы болѣе всѣхъ другихъ народовъ разпространили употребленіе различныхъ обрядовъ; хотя по справедливости оные наиболѣе бываютъ скучными, и служатъ къ ослабленію человѣческихъ разумовъ. Ихъ носильщики и извощики за самое малое помѣшательство, которое они на улицѣ одинъ другому причинятъ, обязаны, по предписанному правилу, упадать другъ предъ другомъ на колѣни и просить извиненія; таковой обычай отвращаетъ между ими ссоры, драки и смертоубійства; ибо они посредствомъ сихъ обря-

довъ имѣютъ время утолить гнѣвъ свой, и послѣ сего вставъ помогаютъ другъ другу въ работѣ.

Чѣмъ который народъ вольнѣе, тѣмъ менѣе наблюдаются между ими церемонїи, тѣмъ менѣе имѣютъ они высокихъ титуловъ и подлыхъ низкостей предъ своими начальниками. Римляне не иначе называли *Сципїона*, какъ просто *Сципїономъ*, а *Цесаря Цесаремъ*: въ послѣдующїя же потомъ времена начали называть своихъ Императоровъ, *Ваше Величество, Ваше Божество*.

Кресла, стулья, табуреты; правая и лѣвая сторона были чрезъ многїе вѣки важными предмѣтами Политики, и побудительными причинами къ спорамъ. Я думаю, что древнїй обрядъ касающїйся до уваженїя кресель произошелъ отъ того, что наши непросвѣщенные прародители въ домахъ своихъ не болѣе однихъ кресель имѣли, на которыхъ по-

коился иногда хозяинъ во время своей болѣзни. Во многихъ Нѣмецкихъ и Аглинскихъ областяхъ и по нынѣ еще таковыя кресла называютъ *несносными* и *тягостными*.

Долгое время послѣ *Атилы* и *Дагоберта*, когда пышность водворилась въ Царскіе чертоги, и когда обладатели земные имѣли по двое и по трое креселъ въ старинныхъ своихъ замкахъ, тогда начали почитать великою почестію, естьли кого сажали на сіи почтенныя кресла. Молодый дворянинъ приказывалъ записать въ домашнихъ своихъ запискахъ, хранящихся въ незабвенную память, что онъ за пол-мили отъ своей вотчины, будучи на поклонѣ у одного Графа, былъ тамъ посаженъ въ креслахъ.

Сыскано въ запискахъ одной Свѣтлѣйшей Французской Принцессы, что она четвертую часть жизни своей провела въ несносной тоскѣ и безпокойствѣ, не-

престанно споря о достоинствѣ креселъ; она долго не могла сдѣлать положительнаго рѣшенія, въ которой комнатѣ должно садиться на кресла, или на стулъ, и гдѣ должно стоять? Сіи споры занимали всѣхъ ея придворныхъ. Но въ нынѣшнія времена обычаи наши сдѣлались простѣе; дамы обыкновенно у насъ садятся на канапе и на софы, и отъ того въ собраніяхъ не происходитъ никакихъ безпорядочныхъ споровъ.

Когда Кардиналъ *Ришелье* имѣлъ переговоры съ Аглинскими Посланниками о бракосочетаніи *Генріетты* Французской Принцессы съ Королемъ *Карломъ* I., то чуть дѣло сіе не было совсемъ испорчено, по причинѣ двухъ, или трехъ шаговъ, которыхъ послы требовали отъ него, чтобъ онъ ближе подшелъ къ дверямъ; но какъ наконецъ Кардиналу пришла въ голову острая выдумка лѣчь въ постелю, то тѣмъ весь споръ кончился.

Исторія намъ сохранила сей примѣчанія достойный Кардиналовъ поступокъ, въ честь его разума. Ежели бы кто предложилъ *Сципіону* лечь нагишомъ между двухъ простынь для принятія *Ганнибала*, то мнѣ кажется, что сей обрядъ учтивости показался бы ему довольно смѣшнымъ.

Ѣхать на переди въ каретѣ, и въ комнатѣ садиться на первомъ мѣстѣ, долгое время служило знаками отличныхъ почестей; и почти чрезъ цѣлый вѣкъ подавало поводъ къ великимъ ссорамъ, и даже къ кровопролитнымъ войнамъ. Ежели какая карета ѣхала въ переди другой, то на сіе не иначе взирали, какъ на торжественное какое преимущество. Когда посланники ѣзжали прогуливаться по улицамъ, то казалося такъ, какъ бы они на конскомъ рысталіи спорили о полученіи приза; и естьли иногда случалось, что *Гишпанскаго* Посланника кучеру уда-

валось обогнать карету *Португальскаго* Посланника, то онъ посылывалъ нарочнаго гонца въ *Мадритъ*, съ извѣстïемъ къ Королю своему Государю о семъ важномъ преимуществѣ.

Чѣмъ менѣе Государства просвѣщены и чѣмъ меньше высокоумïя при дворахъ, тѣмъ болѣе употребляется пышныхъ церемонïй и обрядовъ. Прямое могущество и учтивость презираютъ сïи суетныя тщеславïя.

О ТИТУЛАХЪ.

О ТИТУЛАХЪ.

Не давно читая *Горація* нашелъ я въ одномъ его письмѣ къ *Месену* слѣдующія стихи Te dulcis amice revisam. *Я приду, любезный другъ, тебя навѣстить.* Сей *Месенъ* былъ въ Римскомъ Государствѣ вторымъ человѣкомъ, и былъ важнѣе и сильнѣе, нежели нынѣ какой-либо владѣтельный Князь въ Европѣ.

Потомъ проходя сочиненія *Корнеліевы* замѣтилъ я во ономъ письмо къ великому *Скудери*, главному начальнику одной церкви, въ которомъ онъ изъясняется о Кардиналѣ *Ришелье* слѣдующими словами: *Господинъ Кардиналъ вашъ и мой повелитель.* Можетъ быть въ первый еще разъ такимъ образомъ было сказано о Министрѣ, съ самаго того времени, какъ начались въ свѣтѣ Министры, Цари, и льстецы. Тотъ же самый *Петръ Корнель* сочинитель Цинны

при посвященіи сего своего сочиненія г. *Монторону* хранителю кабинетной суммы , сравниваетъ его безъ дальнихъ комплиментовъ съ *Августомъ* ; жаль , что онъ не назвалъ г. *Монторона* Monſeigneur , (Милостивый Государь).

Одинъ пожилой офицеръ мало свѣдущій о протоколѣ тщеславія , писавъ письмо къ Маркизу *Лувоа*, назвалъ его просто Monſieur , Государь мой , и не получа на оное отвѣта , писалъ къ нему въ другой разъ , называя его Monſeigneur, Милостивый Государь ; но какъ и сіе второе письмо такоежъ имѣло дѣйствіе , ибо у Министра первое письмо , въ которомъ онъ былъ названъ Monſieur, лежало еще на сердцѣ ; то онъ наконецъ еще къ нему написалъ и подписалъ такъ : *Богу моему* , *Богу моему Лувоа* : а въ заглавіи письма его было написано : *Богъ мой* ! *Создатель мой* ! Все сіе не доказываетъ ли , что Рим-

ляне во время своей славы были велики и скромны; а мы малы и тщеславны.

Какъ вы поживаете, любезный другъ? спросилъ нѣкогда одинъ Французскій Герцогъ и Перъ у одного дворянина. Къ вашимъ услугамъ, любезный другъ! отвѣтствовалъ ему дворянинъ; и съ того времени сей послѣдній въ своемъ любезномъ другѣ имѣлъ непримиримаго себѣ врага. Одинъ *Грандъ Португальскій* говоря съ *Гишпанскимъ Грандомъ* называлъ его поминутно *Ваше Превосходительство*, а Гишпанецъ величалъ его просто, титуломъ тѣхъ, кои никакихъ чиновъ не имѣютъ, то есть: *Ваша милость*. *Португалецъ* осердясь за сïе, равномѣрно величалъ его *Ваша милость*; и тогда Гишпанецъ почтилъ его *Превосходительствомъ*. Наконецъ Португалецъ разрячась у него спросилъ? для чего онъ называетъ его *Милостью* тогда, когда онъ величаетъ его *Превосходительствомъ*;

а потомъ величаетъ его *Превосходительствомъ*, когда онъ называетъ его *Милостью*? Для того, отвѣтствовалъ Гишпанецъ, что для меня всѣ титулы равны, лишь бы впрочемъ между нами не было никакого равенства.

Даванїе пышныхъ титуловъ вошло въ обычай въ Европѣ съ тѣхъ поръ, какъ древнїе Римляне познакомились съ Азїатскимъ высокомѣрїемъ. Всѣ Азїатскїе Владѣтели съ древнихъ временъ, даже и понынѣ, почитаютъ себя двоюродными братьями *Солнцу* и *Лунѣ*: но подданные ихъ никогда не дерзаютъ на сїе родство простирать своихъ требованїй. Начальникъ ихъ области можетъ себя величать *Мушкатнымъ цвѣтомъ утѣшенїя*, и *Розою удовольствїя*; но ежели бы когда осмѣлился онъ Солнцу и Лунѣ хотя мало причесться въ родню, то былъ бы посаженъ на колъ. Иногда даютъ сами себѣ весьма униженные титулы; но отъ другихъ требуютъ

почтительнѣйшихъ названій. Аббатъ называющій себя просто *братомъ*, подчиненнымъ своимъ повелѣваетъ себя величать *Милостивымъ Государемъ*. Папа называетъ себя *Служитель служителей Божіихъ*; а какъ нѣкогда одинъ простодушный Голштинскій священникъ написалъ къ Папѣ *Пію IV.* сими словами: *Пію IV. служителю служителей Божіихъ*, то послѣ того, когда поѣхалъ онъ въ Римъ для прозьбы по нѣкоторому своему дѣлу, Инквизиція засадила его въ тюрьму, дабы тѣмъ его научить, какъ писать къ *Папѣ*.

Въ древнія времена было только два *Маркграфа* въ Нѣмецкой землѣ, два во Франціи, и два въ Италіи. Маркграфъ Бранденбургскій здѣлался потомъ Королемъ; но Французскіе и Италіанскіе Маркизы, или Маркграфы нынѣшнихъ временъ, совсемъ другаго разбора. Естьли какой богатой Италіянской мѣщанинъ упроситъ у себя обѣдать Папскаго Легата, началь-

ствующаго въ той области, и когда сей Легатъ при столѣ пивъ за здоровье хозяйское ему скажетъ: *Господинъ Маркизъ! ваше здоровье*; то сего уже и довольно, и сей мѣщанинъ съ того самаго времени сдѣлается *Маркизомъ*; дѣти его получатъ сей титулъ и сообщатъ оной будущимъ своимъ потомкамъ. Ежели во Франціи самаго простаго происхожденія человѣкъ, котораго все бѣдное имѣніе состоитъ въ нѣсколькихъ только убогихъ крестьянскихъ хижинахъ, пріѣдетъ въ Парижъ, и сыщетъ тамъ малое для себя щастіе, или имѣетъ надежду оное сыскать; то безъ всякихъ околичностей величаетъ самъ себя *Высокомощнымъ Господиномъ Маркизомъ*, или *Графомъ*, и сынъ его пріемлетъ таковое же титло въ наслѣдство; а поелику сіе небольшее честолюбіе не дѣлаетъ никакого вреда Государству, ниже гражданскому обществу, то и оставляютъ оное

безъ всякаго примѣчанія. Нѣкоторые Французскіе Вельможи хвалятся, что они имѣютъ Нѣмецкихъ Бароновъ на своихъ конюшняхъ: а нѣкоторые Нѣмецкіе Вельможи также говорятъ, что Французскіе *Маркизы* стряпаютъ у нихъ на кухняхъ. Недавно одинъ иностранецъ будучи въ Неаполѣ, пожаловалъ своего кучера *Маркизомъ.* Ежели кто въ Парижѣ не очень знакомъ, тотъ смѣло можетъ себя называть *Графомъ*, или *Маркизомъ*, или какъ ему угодно. Во Франціи приказный служитель, или таможенный сборщикъ, естьли получитъ отъ Короля дѣйствительное М*аркизство*, то однакожъ не осмѣлится никакъ называть себя *Господиномъ* М*аркизомъ.* Славный *Самуель Бернардъ* былъ настоящій Графъ, не такой какъ другіе ложно именующіеся Графами, которые и четырехъ десятинъ земли во владѣніи своемъ не имѣютъ; ибо ему Фран-

цузскій Король пожаловалъ во владѣніе свое Кубертское Графство; но ежели бы онъ пріѣхавъ къ кому съ визитомъ, приказалъ о себѣ сказать, что пріѣхалъ *Графъ Бернардъ*, то всѣ бы тому разхохотались. Но въ Англіи совсемъ другое. Естьли Король Аглинскій пожалуетъ какого купца въ *Графы*, или въ *Бароны*, то вся нація приписываетъ ему титло, свойственное сему достоинству. Всѣ знатные Вельможи и самъ Король называютъ его *Милордомъ*. Такимъ же образомъ дѣлается и въ Италіи. Тамъ есть чиновный протоколъ. *Ежели* кто у нихъ *Монсиноръ*, то и самъ Папа даетъ ему сіе титло. Папскій Лейбмедикъ есть также *Монсиноръ*, и никто противъ того не споритъ.

Во Франціи Monſeigneur, *Монсейнеръ*, есть нѣчто важное. Герцоги и Перы съ великимъ трудомъ достигли до сего названія. Знаменитые дворяне и понынѣ не

приписывают имъ онаго. Величайшїе успѣхи человѣческаго высокомѣрїя состоять въ томъ, чтобъ получать почетныя титлы отъ подобныхъ себѣ, до которыхъ достигають съ великою трудностїю; ибо повсюду гордость сражается съ гордостїю. Когда Герцоги требовали отъ бѣдныхъ дворянъ, чтобъ они величали ихъ симъ титуломъ, тогда *Парламентскїе Президенты* также требовали себѣ онаго отъ своихъ *Адвокатовъ* и *Прокуроровъ*. Одинъ *Французскїй Президентъ* не хотѣлъ дать пустить себѣ кровь, для того, что лѣкарь спрашивая у него изъ которой руки прикажетъ онъ пущать? назвалъ его Monſieur, *Государь мой!* А нѣкогда случилось, что одинъ *Парламентскїй Совѣтникъ* поступилъ въ подобномъ случаѣ разсудительнѣе. Нѣкоторый проситель представляя ему о своемъ дѣлѣ говорилъ: Monſeigneur, Monſieur votre Secretaire. *Милостивый Государь,*

вашъ Господинъ Секретарь . . . *Вы въ трехъ вашихъ словахъ сдѣлали три дурачества*, прервавъ его рѣчь сказалъ Совѣтникъ. Я не (Monſeigneur) Милостивый Государь; а Секретарь мой не (Monſieur) Господинъ, но простой мой писецъ.

Для прекращенія сего великаго затрудненія въ приданіи пышныхъ титуловъ, надлежало бы, чтобъ во Франціи всѣ назывались *Монсейнерами*; равно какъ и всѣ дѣвицы называющіяся прежде *Мадемозелями*, назывались бы *Мадамами*. Въ Гишпаніи, ежели нищій повстрѣчается съ такимъ же нищимъ, то обыкновенно поздоровавшись спрашиваютъ они другъ у друга: *Государь мой, ваша милость изволили ли уже пить ваш шоколадъ?* Таковое учтивое выраженіе возвышаетъ душу и сохраняетъ достоинство человѣческаго рода.

Цесарь и *Помпей* назывались въ Сенатѣ просто *Цесаремъ* и *Помпеемъ*. Но

сїи люди совсемъ не умѣли жить. Они при окончанїи своихъ писемъ писали одно только слово: *прощай.* Но мы переписываясь между собою, съ шестьдесятъ лѣтъ назадъ, подписывались: *охотными слугами*; а нынѣ подписываемся: *покорнѣйшими* и *послушнѣйшими*; и что мы таковыми *имѣемъ честь быть.* Я очень сожалѣю о будущихъ нашихъ потомкахъ; они едва ли что могутъ присоединить къ симъ прекраснымъ и учтивымъ выраженїямъ. Герцогъ *Делерононъ*, который былъ самый надмѣннѣйшїй изъ Гасконцевъ, писалъ предъ смертїю къ Кардиналу *Рищелье* письмо, и при окончанїи онаго подписалъ: *покорнѣйшїй* и *послушнѣйшїй*; но пославши уже сїе письмо вдругъ вспомнилъ, что Кардиналъ къ нему не иначе писывалъ, какъ *охотнѣйшїй.* Въ тужъ минуту отправилъ онъ нарочнаго гонца, возвратить къ нему сїе письмо, которое получа переписалъ съ изнова,

подписавъ при концѣ : *охотнѣйшїй* , и послѣ сего умеръ съ честїю сохранивъ свое достоинство.

ХРАМЪ ВКУСА.

ХРАМЪ *

ВКУСА.

Кардиналъ Оракулъ Франціи, не тотъ Манторъ который правительствуетъ нынѣ, но тотъ Несторъ, который служитъ подпорою Пиндѣ; ** который всѣмъ ученымъ подаетъ надежду, ихъ подкрѣпляетъ, всѣхъ одушевляетъ, и просвѣщаетъ, и который владычествуетъ надъ нами пріятнымъ своимъ краснорѣчіемъ тотъ, который новымъ гласомъ, Латинскими стихами, заставилъ говорить самое премудрость, соединивъ *Виргилія* съ *Платономъ*; и буду-

* Сіе сочиненіе писано въ 1731 году, и много разъ было издаваемо; но сіе послѣднее изданіе, съ котораго сдѣланъ оный переводъ, есть изо всѣхъ лучшѣе, пространнѣе противъ прежнихъ и исправнѣе.

** Пинда, есть гора посвященная музамъ; между Ѳессаліею и Епиромъ.

чи побѣдителемъ *Лукреція* отмщевалъ за оскорбленіе неба. 1.

Наконецъ, тотъ самый Кардиналъ, котораго весь свѣтъ долженъ познать по сему описанію, сказалъ мнѣ нѣкогда; что ему хочется меня взять съ собою во *храмъ вкуса*. Сіе зданіе, говорилъ онъ мнѣ, подобно *храму дружбы*, о коемъ весь свѣтъ говоритъ, но въ который немногіе входятъ, и большая часть изъ путешествовавшихъ во оной, почти никогда прилѣжно не разсматривали.

---

1. Г Кардиналъ де Палиньякъ сочинилъ на Латинскомъ языкѣ Поему противъ Лукреція, которая хотя не была еще никогда напечатана; однакожъ многимъ оная извѣстна, и приобрѣла отъ всѣхъ великую похвалу.

На сїе отвѣчалъ я ему съ чистосердечїемъ : увы ! мнѣ очень мало извѣстны законы сего любви достойнаго Бога , но къ вамъ онъ всегда благосклоненъ. Въ ваши руки вручилъ онъ ключи отъ своего прекраснаго рая, и вы по моему мнѣнїю, кажетесь быть истиннымъ Папою сея церкви. Однакожъ между другимъ Папою и вами (хотя бы Римъ за сїе на меня раздражился) весьма великое есть различїе; ибо и само Сарбонское училище дерзаетъ увѣрять, что Святый Отецъ можетъ иногда подверженъ быть заблужденїю, а сїе по моему мнѣнїю, кажется весьма возможнымъ; но что принадлежитъ до васъ; когда я слышу полезныя, похвальныя и блистательныя ваши изрѣченїя, то почитаю васъ почти ни въ чемъ не погрѣшительнымъ.

Ахъ! говорилъ онъ мнѣ, не погрѣшительность принадле-

житъ къ таковымъ только вещамъ, коихъ не понимаютъ; но въ *храмѣ вкуса* простирается оная до таковыхъ, коихъ весь свѣтъ разумѣетъ. Вамъ непремѣнно должно туда со мною ѣхать. Но естьли вы меня туда съ собою повезете, говорилъ я ему, то я предъ всемъ свѣтомъ, симъ буду похваляться.

О семъ не большомъ странствованiи, тотъ часъ потребуютъ отъ меня, что бы сочинилъ я большую книгу. Волтеръ напишетъ тогда краткое повѣствованiе, которое будетъ не что иное, какъ весьма забавная шутка. Сiю его повѣсть всѣ будутъ ругать; при дворѣ противъ его возропщутъ; а въ Парижѣ сочтутъ

меня за стараго раскащика, который прямодушно расказываетъ о томъ, чего никогда не видалъ и не зналъ, и котораго сочиненіе на каждой страницѣ наполнено ложью.

И такъ, какъ не должно никогда лишать себя удовольствія отъ страха, что другіе о томъ будутъ думать; последовалъ я за моимъ путеводителемъ, которыи сдѣлалъ мнѣ честь своимъ сопровожденіемъ.

Любезный Ротеленъ! * ты былъ въ семъ путешествіи моимъ сотоварищемъ; ты, которому *вкусъ* непрестанно дѣлаетъ свои возбужденія; ты коего нѣжный и мудрый разумъ, и хорошій примѣръ благоволилъ мнѣ показать, какимъ путемъ мо-

* Аббатъ Ротеленъ членъ Французс. Академ.

жно безъ заблужденія снискивать сей вкусъ; сего *Бога*, котораго въ таковые лѣта, многіе и самые разумные люди не знаютъ , и безъ всякаго стыда сами въ томъ признаются.

На пути нашемъ встрѣчались съ нами многія препятствія. Съ самаго начала попались намъ господа: *Балдъ, Сціопій, Лексикокрасъ, Скриблеріи*, и тьма другихъ толкователей, кои возобновляли нѣкоторыя выписки, и кропали претолстыя книги о знаменованіи единаго слова, котораго сами они не разумѣли.

Тамъ увидѣлъ я *Дасіеровъ* 2. и

---

2. Дасіеръ имѣлъ великое знаніе въ словесныхъ наукахъ: онъ извѣстенъ былъ о всѣхъ древнихъ писателяхъ, выключая только пріятности и искуства въ писаніи. Его сочиненія вездѣ на-

Сомезовъ 3. людей набитыхъ ученою глупостію, имѣющихъ цвѣтъ въ лицѣ желтый, глаза красные и сухіе, спину согбенную подъ кучею сочиненій Греческихъ писателей; они были всѣ запачканы чернилами и пылью. Я кричалъ имъ издали въ окно изъ кареты: конечно вы идете въ *храмъ вкуса*, для очищенія съ себя грязи? Мы, Государи мои? говорили они, совсемъ нѣтъ; благодаря небу, мы не тамъ снискиваемъ нашу науку; *вкусъ* для насъ совсемъ ничего не значитъ; ибо мы имѣемъ привычку писать плодовито, отъ точки до точки, то что другіе думали; но сами ничего не думаемъ.

полнены ученостію; но ни въ одномъ нѣтъ вкуса. Онъ перевелъ грубо нѣжныя сочиненія Горація; однакожъ хотя онъ и обезобразилъ Горація, и хотя примѣчанія его не весьма кажутся остроумны, но книга его почитается полезною, и трудъ его многіе похваляютъ въ разсужденіи малой его къ тому способности.

3 Сомезъ, ученый писатель, котораго сочиненій нынѣ больше уже не читаютъ.

Послѣ сего искренняго признанія, сіи господа окруживъ нашу карету, хотѣли непремѣнно заставить насъ прочитать нѣкоторыя статьи изъ *Диктиса Кретова*, и изъ *Метродора Лампзакова*, которыхъ *Скалигеръ* перепортилъ. Мы поблагодаривъ ихъ за сію учтивость продолжали путь нашъ; но не успѣли проѣхать ста шаговъ, какъ попался намъ нѣкоторый мужъ окруженный живописцами, Архитекторами, рѣщиками, золотильщиками, ложными знатоками, и льстецами, кои всѣ оборачивались спинами *ко Храму вкуса*.

При удовольственномъ видѣ, высокомѣрїе покоилось и превозносилось на широкомъ лицѣ его, и оный *Крассъ* охриплымъ голосомъ говорилъ: Я имѣю много золота, а разума еще больше; но что принадлежитъ до *Вкуса*, Государи мои, то я довольно имъ запасся. Хотя я ни чему не учился, однакожъ о всемъ довольно свѣдущъ; въ совѣтѣ и въ дѣлахъ я почитаюсь первымъ. Не взирая на вѣтры, на камни и на морскихъ разбойниковъ, я ввелъ въ пристань мое судно. И такъ для сего надлежитъ на скоро построить для меня огромный домъ, въ которомъ всѣ науки кучами должны быть собраны, и въ коемъ, требую я, что бы всякїй день мнѣ удивлялись. Деньги у меня за сїе готовы: и потому должно вамъ непремѣнно быть мнѣ послушнымъ. Выговоривъ сїе, онъ спокойно заснулъ. Въ тужъ самую минуту окружающїе его подлецы усердно начинаютъ сїю работу. Нѣкоторый каменьщикъ на-

чертилъ для него планъ съ чрезмѣрными украшеніями, на которомъ не видно было ни однихъ сѣней, и никакого наружнаго вида; но вы будете имѣть, говорилъ онъ ему, довольно длинный переходъ; стѣны у вашего дому будутъ въ два пальца толщиною; тамъ будутъ пространные кабинеты, небольшія залы, малые простѣнки и окны, по моей выдумкѣ, столь велики, что можно будетъ ихъ почесть церковными дверями. По всюду въ вашихъ комнатахъ будетъ убрано панелями, и все будетъ вылакировано, выбѣлено и вызолочено, чему всѣ простяки безъ всякаго сомнѣнія будутъ удивляться.

Пробудитесь, Милостивый Государь, пробудитесь, кричалъ ему одинъ живописецъ; подивитесь моему дарованію! *Рафаилъ* никогда не былъ толико искусенъ въ украшеніи дома; я только одинъ умѣю оживлять самую природу; я намажу на вашихъ потолокахъ и на сводахъ множество большихъ обезьянъ въ палецъ, или

въ два толщиною, такъ чтобъ и изъ дали ихъ можно было видѣть.

Крассъ пробуждается, разсматриваетъ, вкось и прямо разставляетъ, учреждаетъ и поправляетъ. Стоявшій возлѣ него нѣкоторый человѣкъ, на все сіе съ любопытствомъ смотрѣвшій въ лорнетъ, ему говорилъ: обратите сюда ваши взоры, посмотрите, что годится для вашей домовой церкви; повѣрьте мнѣ, купите сію картину, на ней изображенъ Богъ Отецъ въ вѣчной своей славѣ, искусно написанный по вкусу *Вато*. 4

Между тѣмъ одинъ хитрый книгопродавецъ, грабящіи ученыхъ мужей и хорошихъ сочинителей, раскладывалъ передъ нимъ всѣ сочиненія *Белегардовы*, *Гаконовы* и *Десфонтеновы*, * новыя собранія и журналы цѣлыми сотнями. Онъ хотѣлъ ихъ читать, но не могъ потому, что непрестанно зѣвалъ.

4 Вато, Фламандскій живописецъ, который трудился въ Парижѣ, и нѣсколько лѣтъ тому,

Я думалъ, что послѣ сего мы не будемъ уже имѣть никакой остановки, и скоро пріѣдемъ въ храмъ безъ всякаго препятствія; однакожъ путь сей былъ гораздо опаснѣе, нежели какъ я о томъ думалъ; ибо мы вскорѣ наѣхали на другую шайку.

Подобно какъ неутомимый богомолецъ, шествуя по ускои стезѣ къ достиженію своего спасенія, множество разъ бываетъ искушаемъ діаволомъ, прежде нежели достигнетъ до своей цѣли.

Мы вругъ услышали кон-

какъ тамъ и умеръ; онъ искусенъ былъ въ изображеніи малыхъ предмѣтовъ, кои весьма искусно располагалъ, но въ большомъ видѣ ничего не писывалъ, и былъ къ тому совсемъ не способенъ.

* Десфонтенъ, былъ худой сочинитель.

церпѣ, который давалъ одинъ штатскій человѣкъ, чрезвычайно любящій музыку, коей онъ самъ никогда не учился. Паче всего былъ онъ охотникъ до музыки *Италіянской*, о которой никогда не имѣлъ другаго понятія, кромѣ какъ только по худымъ Аріямъ совсемъ неизвѣстнымъ въ Римѣ, и перепорченнымъ во Франціи нѣкоторыми оперными пѣвицами.

Тогда приказывалъ онъ играть длинный *РЕСИТАТИВЪ* Французской, положенный на музыку однимъ Италїянцемъ, который совсемъ не разумѣлъ Французскаго языка. Тщетно

представляли ему, что таковую музыку, которую съ словъ полагаютъ на ноты, свойственно сочинять тому, кто языкъ совершенно разумѣетъ; и что нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ Французскія слова пѣть на голосъ Италїянской, равно какъ слова Италїянскія пѣть во вкусѣ Французскомъ.

Изобильная и премудрая природа, раздѣленїемъ даровъ своихъ украшая вселенную, хотя вѣщаетъ ко всѣмъ человѣкамъ, однакожъ различными гласами. Каждый народъ одаренъ отъ нее разумомъ, и имѣетъ особливый свой языкъ, котораго звоны и произношенїе словъ согласуетъ съ своимъ голосомъ; все сїе руками природы порядочно устроено, и различїе воономъ

чувствительному слуху довольно ощутительно. И такъ по сему во Францiи должно пѣть голосомъ Французскимъ, слѣдуя Французскому вкусу. *Луллiй* искусно умѣлъ сему вкусу послѣдовать; онъ украшалъ только музыку, но ничего изъ оной не перемѣнялъ.

При сихъ разумныхъ представленiяхъ сей глупый любитель музыки отвѣтствовалъ, качая головою: хорошо, хорошо, вамъ дадутъ новыя ноты; и послѣ сего концертъ его опять начался.

Съ двадцать глупыхъ великаго *Луллiя* завистниковъ, которые не имѣли ни искуства, ни расположенiя въ музыкѣ, скрыпучими тонами обезображивали Французскiе стихи Италiянскими голосами. Одинъ *Разиня*, выпуча глаза, приходилъ въ изступленiе; а другой глупецъ, чванясь

своимъ нарядомъ, смотрѣлся въ зеркало, прыгалъ по козлячью, визжалъ изо всего горла, и ударяя пальцомъ неправильные такты, кричалъ: *браво*, *браво*, хотя всѣ скрипѣли въ разноголосицу.

Мы поспѣшно отъ сей толпы удалились; и послѣ многихъ подобныхъ сему приключенiй достигли наконецъ до *Храма Вкуса*.

Въ древнее время въ Грецiи положено было сему храму твердое и крѣпкое основанiе: и потомъ сей любезный *храмъ* до самаго неба былъ возвышаемъ. Вся вселенная приносила въ немъ свои жертвы. *Римлянинъ*, будучи долгое время дикимъ и неприступнымъ, въ семъ жилищѣ усмирился. *Мусульманъ*, которой былъ еще того неукротимѣе, сей *храмъ* завоевалъ и раззорилъ до основанiя. Въ Италiи собрали всѣ обломки симъ невѣрнымъ

въ бѣшенствѣ разбросанные. Вскорѣ по семъ *Францискъ I.* осмѣлился построить другой храмъ, во всемъ прежнему подобный. Потомки его презирали сїю прекрасную архитектуру. *Ришелье* при жизни своей поправилъ совсемъ оставленный сей храмъ. *Лудовикъ Великїй* его украсилъ, а *Колбертъ*, вѣрный его Министръ, собралъ въ сїе святилище безсмертныя собранїя наукъ и художествъ. Завистливая Европа удивлялась сему храму въ новомъ его украшенїи; однакожъ не извѣстно, долго ли онъ пребудетъ невредимымъ.

Я могъ бы описать сей храмъ, и расказать о всѣхъ его украшенїяхъ, кои путешественникъ въ немъ обрѣтаетъ; но не хочу послѣдовать примѣру многихъ писателей сказокъ; а болѣе всего убѣгаю пустословїя свойственнаго Господину *Фелибїану*; который и самую бездѣлку старался краснорѣчиво описывать. Я только скажу, что сїе прекрасное

зданїе не было изпещрено Готическими древностями, коими наши древнѣйшїе предки обременяли стѣны своихъ храмовъ, столь же грубыхъ, каковы были они сами. Онъ не былъ излишнею огромностїю обезображенъ такъ, какъ церковь Версальская, и не имѣлъ на себѣ тѣхъ великолѣпныхъ украшенїй, кои глаза только у людей ослѣпляютъ, но знатоки онымъ насмѣхаются.

Легче можно сказать, что сего храма совсемъ нѣтъ, нежели сдѣлать истинное о немъ изображенїе; но для избѣжанїя большаго затрудненїя, я прибавлю только слѣдующее:

Архитектура въ немъ расположена была просто, но величественно; каждое его украшенїе было въ пристойномъ мѣстѣ, и казалося только по необходи-

мости было сдѣлано. Искуство сокрывалося тамъ подъ украшенїями самой природы, и человѣческїй взоръ со удовольствїемъ обозрѣвалъ вдругъ все зданїе, ни чему не удивляясь, но отъ каждаго предмѣта приходилъ въ восхищенїе.

Сей храмъ былъ окруженъ толпою отмѣнныхъ мастеровъ, художниковъ и знатоковъ всякаго рода, которые всѣ хотѣли силою войти во внутренность его, однакожъ не входили.

Ибо критика строгимъ и праведнымъ своимъ окомъ хранила ключи отъ сихъ священныхъ вратъ, и мѣдною рукою гордо отталкивала сей грубый народъ, безпрестанно впередъ подвигающїйся.

О сколько знаменитыхъ и почтенныхъ мужей не было

туда впускаемо! не взирая на то, что они здѣсь отъ многихъ ученыхъ людей превозносятся великими похвалами.

Въ сей кучѣ не видно было возмутительныхъ заговоровъ тѣхъ мнимыхъ ученыхъ, которые въ Парижѣ защищали сочиненія *Прадона* и *Скудерія*, 5. съ жестокостію вооружаясь противъ безсмертныхъ писаній *Корнелія* и *Расина*.

---

5. Скудерій былъ по справедливости явный непріятель Корнеліевъ. Онъ имѣлъ нѣкоторый тайный заговоръ, въ которомъ весьма предпочитали его сему отцу театра.

Есть еще нѣкоторое дурное сочиненіе Серазеново, въ которомъ написано доказательство, будто бы, не извѣстно какое-то сочиненіе Скудеріево, названное Мучительная любовь, было наилучшимъ твореніемъ во Французскомъ театрѣ. Сей Скудерій хвастался самъ, что, при представленіи одной изъ его піесъ, такое было множество народа, что четырехъ придверниковъ задавили досмерти, и говорилъ: что онъ не дастъ предъ собою преимущества Корнелію, развѣ только

Съ таковою жъ жестокостїю отгоняли тѣхъ гнусныхъ враговъ всякаго истиннаго достоинства, и тѣхъ вредящихъ обществу червяковъ, кои тѣмъ только бываютъ примѣтны, что другихъ уязвляютъ. Они равно завидуютъ и великому Конде въ сочиненїи Рокроа, и Вилларсу въ сочиненїи Дедены, и Корнелїю въ сочиненїи Полїевкта. Они желали бы истребить Ле Брюна за то, что

тогда, когда бы пятерыхъ придверниковъ задавили при представленїи его Сида или Горацїя.

Чтожъ принадлежитъ до Прадона, то извѣстно, что его Федра съ начала была лучше принята, нежели Расинова, и требовалось довольнаго времени для отличенїя сего ложнаго мнѣнїя отъ истиннаго достоинства.

написалъ онъ картину фамилїи Дарїевой. Они все на свѣтѣ ненавидятъ, и все, къ чему ни прикасаются, ядомъ своимъ заражаютъ.

Гордость родитъ ихъ въ нѣдрахъ зависти. Корыстолюбїе, подозрѣнїе, безчестная клевета, а часто и самые набожные, чудовища еще сихъ опаснѣе, отверзаютъ тайно врата чертоговъ для гнусныхъ своихъ заговоровъ. Тамъ-то помрачаютъ они глаза *Мидаса*. Глупецъ ихъ похваляетъ, а злобный бываетъ ихъ подпорою. Тогда оскорбленное достоинство, умолкая предъ ними, тайно проливаетъ слезы, и оставляетъ науки, въ коихъ упражняться запрещаютъ.

Сїи гнусные гонители, узрѣвъ двухъ моихъ предводителей, всѣ разбѣжались. По уходѣ

ихъ, представилося зрѣлище еще того забавнѣе; мы увидѣли великое множество Писателей разнаго состоянія и разныхъ лѣтъ, скребущихъ во врата храма, и просящихъ Критику, что бы она ихъ пропустила. Одинъ изъ нихъ приносилъ Математическій романъ; другой Академическую рѣчь; иной сочинилъ Метафизическую комедію; иной держалъ небольшее собраніе своего стихотворенія, съ давняго времени тайно напечатаннаго, съ длиннымъ одобреніемъ и съ привилегіею 6.; а иной пришелъ

6. Большая часть дурныхъ книгъ печатаны во Франціи со одобреніями, наполненными похвалами,

показать указъ прекраснымъ слогомъ написанный, и весьма удивлялся, что всѣ надъ нимъ насмѣхались, вмѣсто того, что бы просить его благословенія. „Я священный „мужъ *Албертъ Гарассусъ*, говорилъ одинъ черный монахъ: „мои проповѣди гораздо луч„ше Бурдалувыхъ; ибо Бурдалу „никогда не жигалъ книгъ, а „я провозглашалъ съ такимъ „краснорѣчіемъ противъ Петра „*Беля*, въ одной провинціи, пре-

---

ибо Цензоры при свидѣтельствованіи книгъ не наблюдаютъ въ семъ случаѣ почтенія къ публикѣ. Ихъ должность не въ томъ состоитъ, чтобы смотрѣть, хороша ли книга? но наблюдать, нѣтъ ли чего въ ней противнаго гражданскому и духовному законамъ?

„исполненный великаго разума „и столь чувствительно тро„нулъ слушателей, что шесшеро изъ нихъ сожгли нахо„дящееся у нихъ сочиненїе „*БЕЛЕВО.* Никогда краснорѣчїе „толико не торжествовало. „Поди братъ Гарассъ, ска„зала ему Критика, поди вар„варъ; выйди скорѣе изъ Храма „Вкуса; сокройся отъ моихъ „взоровъ: ты оскорблялъ „того, кого я возбуждала „моимъ вдохновенїемъ.

Одинъ разсуждатель осиплымъ голосомъ кричалъ: Государи мои, я тотъ который непрестанно говоритъ, ругаетъ и противорѣчитъ; я опорочилъ все то,

что другїе похваляли. Тогда Критика представъ передъ него, говорила: „Другъ мой *Барду* ! хотя ты сему ремеслу великой мастеръ ; однакожъ никогда не войдешь въ сїе любезное мѣсто ; ибо ты пришелъ сюда поносить нашего бога; и такъ будь доволенъ тѣмъ , что ты его никогда знать не будешь.

Г. Барду началъ тогда кричать : Весь свѣтъ обманывается и будетъ навсегда обманутымъ ; совсемъ нѣтъ *бога вкуса*, и вотъ чѣмъ я сїе доказываю. Тогда онъ предлагалъ , раздѣлялъ , передѣлялъ, различалъ и повторялъ; однакожъ никто его не слушалъ , и между тѣмъ болѣе прежняго всѣ къ двери приступали.

Между множествомъ волнующихся безумцевъ, упорно отъ храма отгоняемыхъ, подходилъ весьма тихо *Ламотъ Гудардъ*, который говорилъ лицемѣрнымъ голосомъ: Отворите Государи мои, я здѣсь несу моего *Гедила* въ прозѣ 7.; стихи мои грубы, я и самъ въ томъ согласенъ: но въ прозѣ совсемъ другое; пожалуйте отворите: я хочу Господину *де Спро* противъ стиховъ, со вкусомъ сказать два слова.

Критика скоро познала его, по тихой его выступкѣ и по

---

7. Гударъ де ла Мотъ сочинилъ въ 1728 году Гедипа въ прозѣ, и Гедипа въ стихахъ. Его Гедипа въ прозѣ никто не могъ читать, а Гедипъ въ стихахъ былъ три раза на театрѣ представленъ, и напечатанъ вмѣстѣ съ другими его драмматическими сочиненїями. Сочинитель постарался написать въ предъувѣдомленїи, что сїя пїеса была прервана въ срединѣ наилучшаго ея успѣха. Сей Писатель сочинилъ много и другихъ почтенїя достойныхъ сочиненїй; нѣсколько весьма хорошихъ одъ; изрядныхъ оперъ, и ученыхъ рѣчей, очень хорошо написанныхъ.

грубости сихъ послѣднихъ стиховъ; она впустила его на нѣсколько времени между Перольтомъ и Шапеленомъ, кои съ пятьдесятъ уже лѣтъ приступаютъ ко вратамъ храма, крича противъ Виргилія.

Въ ту самую минуту пришелъ другой Рифмотворецъ, поддерживаемый двумя малыми Сатирами и увѣнчанный лаврами и терніемъ.

Я пришелъ, говорилъ онъ, 8. смѣяться, забавляться, весело прыгать, скакать, и во всю ночь до самаго утра бѣситься и куролесить.

Что тамъ я слышу? говорила Критика. Это я, ска-

8. Стихи г. Руссо.

залъ Рифмачъ: я пришелъ сюда изъ Германіи, для свиданія съ тобою, и выбралъ къ тому весеннее время.

Ибо младые зефиры теплымъ своимъ дыханіемъ распустили ледъ, покрывающій воды· 9.

Чѣмъ болѣе онъ говорилъ симъ языкомъ, тѣмъ меньше врата храма растворялись. Какъ! развѣ меня почитаютъ, говорилъ онъ,

За водяную лягушку 10., которая выходя изъ норы своей, кричитъ вмѣсто музыки, *брекеке*, *кваке*, *ква*, *ква*, *ква*?

Ахъ! Боже мой, вскричала Критика, какое страшное

---

9 Стихи его же·

10. Стихи его же.

квактанїе! Съ начала не могла она узнать сего крикуна; но ей сказали, что то былъ Руссо, у котораго боги перемѣнили голосъ въ сїе смѣшное кваканїе, въ наказанїе за злость его. Однакожъ она не могла тому повѣрить и не впустила его во храмъ. Онъ весьма удивлялся сему поступку, и клялся за то отомстить сочиненїемъ нѣкоторой новой Аллегорїи противъ рода человѣческаго, къ которому всегда чувствовалъ онъ непримиримую ненависть; а потомъ вскричалъ онъ закраснѣвшись.

Укроти сїю чрезмѣрную жестокость.

Я пришелъ сюда искать *Мірота* моего товарища. Я равно съ нимъ претерпѣлъ нѣкоторое нещастіе. Богъ рифмъ, есть единый изъ всѣхъ боговъ, который ко мнѣ благосклоненъ; познай меня, я всегда одинаковъ. Вотъ стихи противъ Абвата *Биньона* 11. О ты Критика, о ты полезная богиня! для тебя только духъ мой всегда былъ возбуждаемъ; во всякой странѣ и во всякое ненавистное время, я къ тебѣ только единой впредь буду имѣть прибѣжище.

Критика услыша сіи слова, поотворила немного врата храма, изъ снисхожденія къ первымъ его стихамъ, и говорила сими словами:

---

11. Бигнонъ, Статскій Совѣтникъ, человѣкъ отмѣннаго достоинства въ Европѣ, и защитникъ наукъ; Руссо сочинилъ противъ его нѣкоторые дурные стихи.

О вы Госспода высокїе умы! ежели вы хотите быть любимы богомъ, обитающимъ на двухребтовой горѣ, и чтобъ всегда въ вашихъ писанїяхъ руководствовалъ *богъ вкуса*, то пишите всѣ ваши стихи въ Парижѣ, а не ѣздите для онаго въ Германїю.

Послѣ сего приказавъ мнѣ къ себѣ подойти, говорила она мнѣ тихо: „Ты знаешь сего писателя; онъ былъ твоимъ врагомъ, а ты его оправдываешь.

Ты видѣлъ его безпечную музу, приемлющуюся искусною рукою и за арфу Давидову и ла Маронову свирѣль; однакожъ не подражай никогда его слабости, съ каковою онъ долгое время сочинялъ рифмы; ибо плоды бреговъ Пер-

мескихъ произрастаютъ токмо весною: хладная и печальная старость удобна только для здраваго разсудка.

Послѣ сей рѣчи Критика позволила, чтобъ Руссо шелъ передъ ла Мотомъ, въ достоинствѣ Рифмотворца; но что бы ла Мотъ всегда имѣлъ предъ нимъ преимущество, когда касаться будетъ до разума и здраваго разсудка.

Сіи два столь различныхъ свойствъ люди, не успѣли пройтить четырехъ шаговъ, какъ одинъ поблѣднелъ съ досады, а другой возтрепеталъ отъ радости, увидя нѣкоего

человѣка, который съ давняго уже времени былъ въ семъ храмѣ.

То былъ скромный *Фонтенеллъ*, который будучи окруженъ науками, изливалъ на нихъ, по своему соизволенію, чистый и новый свѣтъ. Въ ту минуту съ одной планеты, на разпростертыхъ крилахъ лѣтящей, возвращался онъ къ симъ мѣстамъ, гдѣ вкусъ имѣлъ щастливую столицу своея области. Съ *Кинольтомъ* онъ шутилъ, съ *Мераномъ* рязсуждалъ, и искусною рукою управлялъ и циркулемъ, и перомъ и лирою.

Что ето! вскричалъ Руссо, я буду здѣсь видѣть того человѣка, противъ котораго я писалъ столько Епиграммъ? Возможно ли! Не ужели добрый

Вкусъ будетъ терпѣть въ храмѣ своемъ сочинителя *Писемъ Кавалера Гер* **, *Осенней страсти*, *Луннаго свѣта*, *Ручья любовника лужайки*, *Трагедіи Каспара* , *Ендиміона* и пр.? Ахъ! нѣтъ, сказала Критика, не онъ есть сочинитель всего онаго; а онъ сочинилъ *о множествѣ міровъ* , такую книгу , которая должна бы служить къ твоему наученію ; *Тетиса* и *Пелею* , оперу , которая тщетно раждала въ тебѣ зависть, и *Исторію Академіи наукъ*, которую ты разумомъ своимъ постигнуть не можешь.

Руссо пошелъ сочинять Епиграмму, а Фонтенеллъ взиралъ

на него съ тѣмъ философическимъ сожалѣнїемъ, въ которомъ просвѣщенный и проницательный разумъ не можетъ отказывать такому человѣку, который ничего больше дѣлать не умѣетъ, какъ слагать рифмы; и потомъ съ спокойнымъ духомъ заступилъ мѣсто между Лукрецїемъ и Лейбницемъ 12. Я спрашивалъ, для чего былъ тамъ Лейбницъ? на что отвѣтствовали мнѣ, что то было для того, что онъ со-

12. Лейбницъ родился въ Лейбцигѣ 23 Iюня 1646, а умеръ въ Гановерѣ 14 Ноября 1716 года: Никакой ученый человѣкъ не учинилъ толико чести Нѣмецкой землѣ. Онъ болѣе былъ свѣдущъ,

чинялЪ весьма хорошїе Латинскїе стихи, не смотря на то, что былЪ МетафизикЪ и ГеометрЪ; и что Критика сноситЪ присудствїе его вЪ семЪ мѣстѣ для того, дабы симЪ примѣромЪ смяг-

---

и болѣе всѣмЪ извѣстенЪ, нежели НевтонЪ, хотя онЪ и не былЪ, можетЪ быть, столь великимЪ МатематикомЪ. ОнЪ присоединялЪ кЪ глубокому знанїю всѣхЪ частей физики, великїй вкусЪ вЪ словесныхЪ наукахЪ, и сочинялЪ Французскїе стихи. ОнЪ казался быть заблуждающимся вЪ Метафизикѣ; но вЪ семЪ случаѣ поступалЪ онЪ обще со всѣми тѣми, кои хотѣли издать особенныя Системы. ВпрочемЪ онЪ щастїемЪ своимЪ обязанЪ своей славѣ, и получалЪ большїя пенсїи отЪ ИмператоровЪ Германскаго и Россїйскаго, отЪ Короля Аглинскаго, и отЪ многихЪ другихЪ Государей.

чить жестокіи и грубый разумъ многихъ его собратій.

Между тѣмъ Критика обратясь къ сочинителю книги *о множествѣ міровъ*, сказала: я не буду тебѣ упрекать въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, въ юности твоей написанныхъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые завистливые осуждатели; но поелику я есмь Критика, а ты находишься теперь у Бога Вкуса, то вотъ что вѣщаю я тебѣ, какъ со стороны сего бога, такъ со стороны публики, и собственно отъ себя самой; ибо мы всѣ трое во всякое

время между собою соглашаемся.

Твоя мудрая и усмѣхающаяся Муза должна бы не много меньше прилѣпляться къ художеству; не обезображивай его ложными красками, ибо и собственный его цвѣтъ довольно блистателенъ.

Но что принадлежитъ до Лукреція, то онъ вдругъ покраснѣлъ увидя Кардинала своего неприятеля; но услыша его говорящаго, тотчасъ его полюбилъ. Онъ бросился къ нему на встрѣчу, и говорилъ ему весьма хорошими Латинскими стихами, которые здѣсь переведены мною весьма худо,

Сколь я былъ ослѣпленъ ! когда думалъ видѣть самое природу ; я шествовалъ во мракѣ , будучи водимъ *Еликуромъ*; я обожалъ какъ Бога, того гордаго смертнаго , который сражался съ небомъ , и боговъ свергалъ со престоловъ. Душа казалася мнѣ не инымъ чемъ, какъ слабою искрою , которая въ смертную минуту на воздухѣ изчезаетъ. Ты меня побѣдилъ , я тебѣ уступаю и признаю , что душа есть безсмертна, равно какъ твое имя , мои писанія и твои стихи также безсмертны.

Кардиналъ отвѣтствовалъ на сіе ласкательное привѣтствіе языкомъ Лукреція. Всѣ Стихотворцы Латинскіе, находящіеся тамъ, почли его за древняго Римлянина, какъ по его виду , такъ и по слогу ; но

стихотворцы французскіе весьма досадовали, что сочиняли стихи на такомъ языкѣ, которымъ не говорятъ уже больше, и говорили: Когда *Лукреціи* родившійся въ Римѣ, украшалъ *Еликура* На латинскомъ языкѣ, то противникъ его родившійся въ Парижѣ, долженъ бы съ нимъ сражаться на французскомъ. Наконецъ послѣ многихъ таковыхъ пріятныхъ остановокъ приближились мы къ олтарю и подступили къ самому престолу *Бога Вкуса.*

Я увидѣлъ сего *бога*, котораго тщетно я призываю; сего прелестнаго *бога*,

который многимъ совсемъ не извѣстенъ, когда стараются учинить ему описанїе; которому служить не умѣютъ и съ сомнѣнїемъ приносятъ жертву; котораго *Ла Фонтенъ* далъ почувствовать, а Г: *Вадїусъ* еще по нынѣ ищетъ.

Я видѣлъ его рукою Грацїевъ украшеннаго, и увѣнчаннаго Короною, которую въ древнее время на Парнасѣ составилъ *Аполлонъ* изъ *Лавра* божественнаго *Марона*, изъ плюща и мирта *Горацїева*, и изъ розъ *Анакреоновыхъ*.

На челѣ его царствуетъ премудрость; чувство и хитрость блистаютъ нѣжно въ очахъ его; онъ имѣетъ видъ живый и острый, и во всемъ подобенъ тебѣ *Силвїя*; тебѣ, которую я не именую истиннымъ именемъ, страшась возбудить крикъ и шумъ во многихъ красавицахъ, кои изсыхаютъ отъ ревности, взирая на твои прелести.

Не далеко отъ него *Ролленъ* (14) задавалъ нѣкоторые уроки юношеству, и хотя онъ былъ человѣкъ штатской, однакожъ всѣ его слушали; а сїе случается очень рѣдко. По близости отъ того мѣста, въ одномъ Кабинетѣ, который *Жирандонъ* и *Пюжетъ* 15 украсили своею рѣзьбою, въ коемъ *Лепуссенъ* 16 хи-

---

14. *Карлъ Ролленъ*, древнїй Ректоръ Университета и Профессоръ Королевскїй, первый во всемъ училищѣ писалъ чисто на французскомъ языкѣ для обученїя юношества, и возстановилъ ученїе французскаго языка, весьма нужное, но оставленное въ небреженїй въ школахъ. Его книга о *Пользѣ ученїя* наполнена добрымъ вкусомъ, и здравая способность къ наученїю почти вездѣ въ ней видима. Его упрекаютъ толко въ томъ, что входилъ онъ во всякїя мѣлкости; однакожъ никогда не удалялся отъ хорошаго вкуса, развѣ только тогда, когда хотѣлъ употребить нѣкоторыя шутки,

15. Жирардонъ придавалъ своимъ статуямъ болѣе приятности, а Пюжетъ болѣе живности:

16. Лепуссенъ родился въ *Анделисѣ* въ 1594 мъ году. Онъ не имѣлъ никого себѣ учителемъ, кромѣ природнаго своего разума и примѣра нѣко-

тро писалъ живопись; *Лебрюнъ* 17. съ надменностію делалъ рисунки; а *Лесюеръ* 18. сиделъ промежду ими. Тамъ все взи-

торыхъ картинъ *Рафаеловой* работы, кои по случаю въ руки ему попались. Желаніе видеть изображеніе изящныя природы въ древнихъ памятникахъ, побудило его ехать въ Римъ, не взирая на дурныя обстоятелства, въ коихъ чрезмерный недостатокъ препятствовалъ ему пуститься въ сіе путешествіе. Онъ написалъ тамъ много наилучшихъ картинъ, изъ коихъ каждую продавалъ не менее 7. Таллеровъ Потомъ призванъ онъ былъ во Францію штатскимъ Секретаремъ *Дескайеромъ*, и возстановилъ тамъ хорошій вкусъ въ живописи; но будучи гонимъ своими завистниками, возвратился опять въ Римъ, где и умеръ съ болшею славою, но съ малымъ щастіемъ. Онъ весьма много употреблялъ краски во всехъ частяхъ своей живописи.

17. *Лебрюнь* ученикъ Нуетовъ, ни въ чемъ не делалъ погрешностей, кроме красокъ. Сей живописецъ не имелъ толикаго вкуса въ представленіи древности, какъ Пуссень и Рафаелъ; однакожъ въ вымыслахъ не уступалъ ни мало Рафаелу; а живности являлось въ его жипописи более, нежели въ Пуссеновой.

18 *Евстафій Лесюеръ* былъ весьма искусный живописецъ, хотя и не былъ въ Италіи.

рали на нихъ безъ роптанія, и *Богъ Вкуса* обращалъ взоры свои на черты вольною и надежною рукою ихъ водимыя; онъ самъ удивлялся искуству ихъ и сожалѣлъ, что въ ихъ совершенной живописи, не взирая на прилагаемое ими стараніе, не доставало краски, подражающей природѣ. При воззрѣніи его, играющіе Купидоны оживляли хитрые карандаши кистью, которую руки ихъ омочали въ блистающія краски съ палитры *Рубенсовой* 19.

Я весьма удивлялся, что не находилъ въ семъ святилищѣ многихъ мужей, кои

Все то, что онъ писалъ было наилучшаго вкуса; однакожъ и онъ также былъ еще недостаточенъ въ хорошихъ краскахъ.

Сіи три живописца суть главнѣйшіе во Французскомъ училищѣ.

19. *Рубенсъ* равнялся съ *Титіеномъ* въ краскахъ; но не могъ достигнуть до прочихъ Французскихъ живописцовъ въ совершенствѣ рисунковъ.

съ шестьдесять, или съ восемдесять уже лѣтъ назадъ почитались за наилучшихъ любимцевъ *Бога Вкуса*. *Павильоны*, *Бексерады*, *Пелиссоны*, *Сегресы*, 20 *Сент-Евремоны*, *Бальзаки*, и *Воатюры*, казалося мнѣ, не занимали тамъ первѣйшихъ мѣстъ. Они ихъ занимали въ прежнїе времена, сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ водителей; они славны были тогда, когда не достигли еще

---

20. *Сегресъ* весьма слабый стихотворецъ. Еклоги его совсемъ нынѣ не читаютъ, хотя *Боало* ихъ выхвалялъ. Его Енеида писана Шапеленовымъ слогомъ. Есть его одна опера *Роландъ и Ангелика*, подъ заглавїемъ *Любовь временемъ исцѣленная*;

Заида, романъ чистонаписанный и всѣми со удовольствїемъ читаемый, хотя выдана подъ его именемъ; однакожъ не его сочиненїя.

до наилучшаго совершенства въ словесныхъ наукахъ; но потомъ мало по малу уступили мѣсто истинно великимъ мужамъ; и такъ, нынѣ представляютъ уже они здѣсь самыхъ посредственныхъ ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, болшая часть изъ нихъ, имѣли разумъ сообразный ихъ времени; а не такой, чтобъ оный могъ быть почтенъ превосходнымъ и отъ самыхъ позднѣйшихъ потомковъ.

Уже въ слабомъ ихъ писанїи многїя приятности осталися помраченными. Они еще и нынѣ почитаются между людьми разумными; однакожъ не вмѣщены въ число высокихъ разумовъ.

Сегресъ хотѣлъ нѣкогда войтить къ сїе святилищѣ, твердя сей стихъ *Деспроевъ*

Колико *Сегресъ* въ Еклогѣ прельщаетъ рощи.

Но критика къ его нещастїю, прочитавъ нѣсколько страницъ изъ его Енеиды, французскими стихами писанной, весьма грубо его назадъ оттолкнула; а на мѣсто его впустила госпожу *Делафайетъ*, 21. которая выдала подъ именемъ *Сегреса* прекрасный Романъ *Заиду*, И *Принцесу Клевскую*.

---

21. Г: Гюетъ Епископъ Аврантскїй увѣдомляетъ на стр: 204 своихъ Комментарїевъ, изданныхъ въ Амстердамѣ слѣдующее: Гжа: Делафойетъ столь не брегла о славѣ, которую она заслу-

Не прощаютъ *Пеллиссону*, что между важною матеріею написалъ онъ столько шутокъ въ сочиненной имъ *Исторіи Французской Академіи*, и что на мѣсто забавныхъ словъ, вмѣшалъ многія глупости. 22. Тихій но сла-

---

жила, что сочиненную ею Заиду выпустила въ свѣтъ подъ именемъ Сегреса, и когда дѣлалъ я мои возраженія противъ сей повѣсти, тогда нѣкоторые друзья Сегресовы, незнающіе точной справедливости, сожалѣли объ ономъ, почитая сіе оскорбленіемъ его памяти. Но что Заида сочинена не Сегресомъ, тому я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, и въ состояніи то доказать многими письмами отъ Госпожи Делафойетъ, и настоящею рукописною тетратью сей Заиды, которую сочиняя, присылала она ко мнѣ листы изъ оной.

22. Пелиссонова Академическая Исторія во многихъ мѣстахъ наполнена ничего незначущими бездѣлками, весьма слабо написанными; читающіе сію книгу безъ всякаго предъупрежденія

вый *Павильонъ* съ покорностїю тамъ прибѣгаетъ къ госпожѣ *Дезгулїерѣ*; несравненный *Сент-Евремонъ* 23. не дерзаетъ ни съ кѣмъ говорить стихами; *Бальзакъ* отягчаетъ длинными и многоплодными своими рѣчами, а *Воатюръ* 24. и *Бензерадъ* отвѣ-

---

очень удивляются, что сочинитель ея заслужилъ ею толикую славу; однакожъ въ то время съ сорокъ человѣкъ ея похваляли.

23. Извѣстно сколь Сент-Евремонъ дурной былъ стихотворецъ; Комедїи же его сочинены еще хуже. Однакожъ въ свое время, столько онъ былъ славенъ, что обѣщали ему 500 Луизовъ за то, чтобы напечаталъ онъ свою комедїю: Сира Политика.

24. Воатюръ изъ всѣхъ знаменитыхъ писателей прошедшаго времени наиболѣе былъ славенъ; но творенїя его весьма мало достойны были уваженїя, выключая только четырехъ, или пяти малыхъ сочиненїй, писанныхъ стихами, и мо-

чаютъ ему острыми и шутливыми словами, отъ коихъ чрезъ минуту послѣ того, сами они отъ стыда краснѣютъ. Я искалъ тамъ славнаго Графа *Бюссія*; но Госпожа *Севигне*, которая отъ всѣхъ жителей сего храма была любима, мнѣ ска-

---

жетъ быть столькихъ же писемъ. О немъ увѣряли, что онъ писалъ письма лучше Плинія; однакожъ оныя не лутче писемъ Лепеисовыхъ и Бурзотовыхъ.

Но при всемъ томъ многіе тогда сочиненіямъ его удивлялись; ибо произошелъ онъ на свѣтъ въ такое время, въ которое начинали уже люди выходить изъ невѣжества, и въ которое гонялись за разумомъ, не имѣя объ немъ ни малаго понятія. Правда, что Деспро сравнивалъ его съ Горацїемъ; но Деспро былъ тогда очень еще молодъ. Онъ охотно платилъ сїю дань славѣ Воатюровой, дабы противустать славѣ Шапеленовой, которой почитался тогда за наиостроумнѣйшаго во всей Еропѣ.

зала, что ея любезный двоюродный брат, человѣкъ очень разумный, но весьма великїй самохвалъ, никогда не моїъ имѣть успѣху, чтобъ подать о себѣ *Богу Вкуса* таковое же доброе мнѣнїе, каковое Графъ *Бюсси* имѣлъ о *Мессирѣ Рожерѣ Дерабютенѣ*.

Бюсси, который самъ себя столь высоко почитаетъ и любитъ, что тѣмъ бываетъ иногда скученъ, былъ изобличаемъ въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ въ томъ, что съ надмѣнностїю самъ о себѣ говорилъ столь часто; но его сынъ, любезный его сынъ въ *Храмъ Вкуса* всегда былъ впускаемъ; ибо онъ безъ лѣсти и безъ злословїя, со всегдашнею приятностїю, не помышляя о себѣ много, говорилъ столь же хорошо, сколько о-

тецъ его надмѣнно думалъ о своемъ писанiи. По семъ увидѣлъ я пришедшаго въ Храмъ блистательнаго Аббата *Дешолье*, который пѣлъ вышедъ изъ за стола. Онъ осмѣливался ласкать *Бога Вкуса* съ откровѣннымъ и прiятнымъ видомъ. Его живое воображенiе распространяло въ прiятномъ его восторгѣ красоты безъ поправленiя, 25. кои хотя и были нѣсколько противны благопристойности; однакожъ одушевлялися страстiю.

Лафаррь 26. съ большею нѣжностiю уклоняя свою лиру, напѣвалъ подлѣ своей

---

25 Въ стихотворенiи Аббата Дешолье много есть противорѣчiй. Нѣтъ трехъ Пiесъ изъ его сочиненiй, кои бы правильно до самаго конца продолжались; но красоты, чувства и воображенiя, по всѣмъ мѣстамъ распростирающiяся, заглаживаютъ всѣ сiи погрѣшности.

Аббатъ Дешолье умеръ въ 1720 году, будучи болѣе 80 лѣтъ отъ роду, однакожъ съ великою еще бодростiю разума.

26. Маркизъ Делафарръ, сочинитель наставленiй, изданныхъ подъ его именемъ, и нѣкото-

любовницы, безъ всякой ясности, нѣкоторые стихи, къ коимъ утѣха и лѣность сего толстаго Селадона побуждала, совсемъ безъ помощи *Аполона*; а подлѣ ихъ проворный *Гамильтонъ* 27., всегда вооруженный уязвляющею стрѣлою, злословилъ весь родъ человѣческій.

Богъ Вкуса весьма любилъ сихъ Господъ, а особливо тѣхъ, которые ни за что не входи-

---

рыхъ отрывковъ стихотворенія, кои тихость нрава его изъявляютъ; онъ былъ болѣе любви достойнымъ гражданиномъ, нежели любезнымъ стихотворцемъ, и умеръ въ 1718 мъ году. Его стихотворенія напечатаны присоединенными къ творенію Аббата Дешолье, его искреннягo друга, съ предисловіемъ весьма пристрастнымъ и наполненнымъ многими погрѣшностями. Онъ былъ толщины довольно примѣтной.

27 Графъ Антоніи Гамильтонъ, родившійся въ Каенѣ въ Нормандіи, сочинялъ стихи наполненные жаромъ и неосмотрительнымъ лѣгкомысліемъ, и былъ весьма склоненъ къ Сатирамъ

ли въ споръ и досаду. Онъ совѣтовалъ *Шолье* чтобъ онъ не провозносился, и почиталъ бы себя первымъ изъ худыхъ стихотворцевъ, а не изъ лучшихъ.

Они вступали въ разговоры съ нѣкоторыми любви достойнѣшими мужами ихъ времени, и сіи разговоры не имѣли въ себѣ ни притворнаго послѣдованія другимъ, чтобъ непрестанно ходить въ Рамбульетскій трактиръ [28], ниже

28. Деспро хаживалъ читать свои сочиненія въ Рамбульетскій трактиръ; тамъ находилъ онъ Шапелена, Котена, и другихъ нѣкоторыхъ подобнаго вкуса, кои весьма худо его принимали.

раздора и мятежа, между нашими младыми безумцами случающагося.

Тамъ умѣютъ убѣгать равно: какъ излишняго высокомѣрїя, такъ и школьнаго вранья, грубыхъ заключительныхъ рѣчей, и глупыхъ воспаленїй сердца. Тамъ-то съ приятностїю соединяютъ истинное знанїе съ забавными шутками и жаръ словопрѣнїя съ благопристойностїю. Разумъ ихъ на сто способовъ обращается, и они умѣютъ бросать, отражать, и сносить уязвленїя стрѣлъ приятныхъ насмѣшекъ; а остроумные и важные слова, чтобъ несдѣлатся скучными, превращаются у нихъ въ забавныя и шутливыя.

Тамъ находился *Шапель*, котораго разумъ наиболѣе склоненъ къ невоздержной роскоши, нежели къ нѣжности; бо-

лѣе слѣдующій природному своему расположенію, нежели просвѣщенный науками. Онъ былъ весьма способенъ къ сложенію стиховъ, но не зналъ совершенно слога, и былъ оченъ воленъ въ своихъ мысляхъ. Онъ говорилъ съ *Богомъ Вкуса* всегда одними только римфами, и сказываютъ, что *Богъ* вѣщалъ ему нѣкогда такимъ образомъ.

Учреждай лучше страсть твою къ тѣмъ пышнымъ и надутымъ словамъ, кои у *Ришелета* весьма часто безъ вымысла употребляются и съ лишкомъ много самыя бездѣлицы повторяются двойными *Римфами*.

Между сими-то разумными людьми нашли мы нѣсколь-

кихъ *Езуитовъ*. *Жансенистъ* безъ сомнѣнія скажетъ, что *Езуиты* всюду тѣснятся; но *Богъ Вкуса* равно у себя принимаетъ какъ ихъ, такъ и ихъ непріятелей. Весьма забавно видѣть въ семъ храмѣ *Бурдалу* разговаривающаго съ *Паскалемъ* о великомъ искуствѣ соединять краснорѣчіе съ разсужденіемъ. *Бугурсъ* стоялъ позади ихъ, и замѣчалъ на таблицѣ всѣ погрѣшности въ языкѣ и всѣ дѣлаемыя ими оплошлости и небреженія.

Кардиналъ не могъ воздержаться, чтобъ не сказать *Бургусу*:

Оставь глупое школьное рвѣнїе, свойственное сварливому порицателю; будемъ здѣсь любить даже и самыя погрѣшности мужественнаго и вольнаго краснорѣчїя. Я хочу лучше заблуждать съ ними вмѣстѣ, нежели быть строгимъ изобличителемъ и вѣсить ихъ слова на вѣсахъ моихъ.

Сїе было сказано съ наибольшею вѣжливостїю, нежели какъ я то здѣсь изъясняю; но мы стихотворцы часто бываемъ весьма неучтивы, при случаѣ выгодъ и способности для сложенїя Римфъ.

Я не останавливался въ семъ храмѣ при одномъ только разсмотрѣнїи острыхъ разумовъ.

Вы прекрасные стихй и исправная проза! я не прилѣпляюсь къ однимъ вамъ; ибо имѣть одинъ только *Вкусъ* очень маловажно; но васъ искуства и художества я всѣхъ призываю! *Музыка*, *Танцы*, *Архитектура*, *Рѣзное искуство* и *Живописъ*! О коликое возбуждаете во мнѣ желанїе вы хитрыя художества! вы собою утѣшаете и изъ васъ нѣтъ ни единаго, которое бы изсключить было можно.

Я видѣлъ всѣхъ *Музъ* по очереди приносящихъ къ жертвеннику *Бога Вкуса* Книги, рисунки и планы всякаго рода. На семъ жертвенникѣ видно было планъ того прекраснаго *Луврскаго Фасада*, коимъ были мы одолжены не *Кавалеру Бернинїю*,

котораго безполезно выписали воФранцїю на великомъ иждивенїя; а оный былъ построенъ *Перольтомъ* и *Лудовикомъ Лево* великими, но мало извѣстными художниками. Тамъ былъ рисунокъ воротъ *С. Дениса*, которыхъ большая часть Парижскихъ жителей не болѣе знаютъ красоту, какъ и имя *Франциска Блонделя* приведшаго сїе великое зданїе ко окончанїю. Тотъ удивительный Фонтанъ 29., который столь мало удостоиваютъ своего вниманїя,

29. Фонтанъ С: Инокентїя, въ которомъ Архитектура Лескотова; а рѣзьба Iоанна Гуржона.

и который украшенъ прекрасною рѣзьбою *Іоанна Гуржона*. Церковные врата *С: Герваса*, наилучшее искуство Архитектуры, для которыхъ недостаетъ только церкви, мѣста и людей имъ удивляющихся, и долженствующихъ учинить безсмертнымъ имя *Дезбросса* еще болѣе, нежели дворецъ *Люксенбургскій*, который онъ же построилъ. Всѣ сіи памятники оставленные въ небреженіи здѣшними легкомысленными жителями, привлекаютъ часто на себя взоры *Бога Вкуса*.

Потомъ показывали намъ

Книгохранительницу сего удивленія достойнаго дворца, которая очень была немногочисленна, и мы по справедливости не нашли тамъ:

Ни кучи любопытныхъ и вздорныхъ старыхъ рукописей, поврежденныхъ червями: ниже безполезнаго и рѣдкаго собранія тѣхъ Писателей, коихъ сочиненій никогда не читаютъ; но *богъ вкуса* самъ своими руками помѣстилъ тамъ на мѣсто ихъ по порядку такихъ Писателей, которыхъ сочиненія всѣмн читаются, къ которымъ имѣютъ отмѣнное почтеніе и любятъ, и коихъ высочайшее остроуміе не имѣетъ ни излишности, ни недостатка въ просвѣщеніи.

Почти всѣ тамъ книги исправлены и переписаны ру-

кою самихъ *Музъ*. Между прочимъ видно было тамъ творенїе *Рабеллесово* по крайней мѣрѣ въ восьмую долю убавленное.

Маротъ, который вездѣ имѣлъ одинакїй слогъ и пѣлъ всегда однимъ голосомъ, какъ *Псалмы Давидовы*, такъ и *чудеса Аликсовы*, изъ писанїя своего не болѣе имѣлъ остатка, какъ восемь, или десять листовъ; а изъ сочиненїй *Воатюра* и *Серазена* не болше .60. страницъ оставалось.

Цѣлое сочиненїе *Белевыхъ* разсужденїй помѣщено было въ одномъ только томѣ, по

собственному его согласію; ибо сей разумный Философъ, судя основательно о толикихъ Авторахъ и о стольких различныхъ Сектахъ, часто говаривалъ, что онъ не сочинилъ бы никогда больше одного тому въ листъ, ежели бы писалъ только себя, а не для книгопродавцевъ. 30.

Наконецъ пропустили насъ въ самую внутренность сего святилища, гдѣ всѣ таинства *бога* были намъ открыгы-

30. *Бель* точно сіе писалъ въ письмѣ къ Г *Мез-Оксу*.

ты, и я видѣлъ тамъ то, что должно служить примѣромъ нашему потомству. Небольшее число истинно великихъ мужей сами разсматривали и исправляли свои погрѣшности, въ прекрасныхъ своихъ сочиненїяхъ, которые могли бы быть отличными между посредственными творенїями.

Любви достойный Сочинитель *Телемака* убавлялъ лишнїя повторенїя и безполезныя подробности въ сей нравоучительной своей повѣсти и вычеркивалъ въ заглавїи названїе *Епической Поемы*, чѣмъ

нѣкоторые ревностные и не скромные Издатели очень не кстатѣ ее назвали; ибо онъ искренно признавался, что *Поемѣ* не можетъ быть въ прозѣ.

Краснорѣчивый *Боссюетъ* также хотѣлъ вычернить нѣкоторыя откровенности происходящія отъ его пространнаго, стрѣмительнаго и легкаго разума, кои нѣсколько отнимаютъ пріятность и высокость слога у его *Надгробныхъ рѣчей*; и весьма то достойно примѣчанія, что онъ совсемъ тамъ не защищаетъ того, что говорилъ о мни-

мой премудрости древнихъ Египтянъ.

Великїй и славный *Корнель*, который гораздо меньше нравился нашему слуху, нежели удивлялъ нашъ разумъ, тотъ самый *Корнель*, который помрачилъ душу *Августа, Цинны, Помпея* и *Корнелїи* 30 бросалъ въ огонь свою *Пулхерїю, Ажезиласса* и *Сюрену*; онъ безъ всякаго сожаленїя жертвовалъ всѣми сими нещастными своими чадами и слабыми плодами, въ старости лѣтъ его имъ произведенными, кои весьма были недостойны своихъ предшественниковъ.

Непорочнѣйшїй, прїятнѣйшїй и нѣжнѣйшїй, глубоко въ сердца проницающїй, безъ обмана насъ къ себѣ привлекающїй, и никогда самъ себѣ не противорѣчущїй

---

31. Такими точно словами самъ *Корнель* въ одной своей Епистолѣ изъяснялся.

Рассинъ разсматривалъ изображенія *Баязета*, *Ксифареса*, *Британника*, и *Илолита*, и едва распознавалъ самъ черты ихъ; ибо всѣ они имѣютъ равное достоинство, будучи нѣжными, обходительными, тихими, и скромными: любовь за стопами ихъ слѣдующая, почитаетъ ихъ французскими придворными. А ты любимецъ природы! ты *Лафонтенъ* прекрасный Сочинитель! Ты, который храбро слагаешь Римфы и ихъ исправно измѣряешь! Ты будучи безпечнымъ въ своей одеждѣ, тѣмъ болѣе являешь въ себѣ пріятности; скажи намъ самъ: какое твое мнѣніе о несравненныхъ твоихъ Писаніяхъ? и просвѣти нашъ разсудокъ о скаскахъ твоихъ и басняхъ.

Сей *Лафонтенъ*, который сохранялъ простосердечіе во всѣхъ своихъ поступкахъ, и который *Во храмѣ Вкуса* присо-

единялъ просвѣщенное чувство къ той щастливой и отмѣнной природной своей склонности, въ жизни его возбуждающей, вычернивалъ совсемъ нѣкоторыя изъ своихъ *Басенъ*; сокращалъ почти всѣ свои *Сказки*, и изодралъ съ три четверти великаго собранія, по смерти его изданныхъ его твореній, напечатанныхъ тѣми Издателями, кои имѣютъ пропитаніе отъ глупыхъ сочиненій, остающихся послѣ умершихъ.

Тамо царствовалъ *Деспро*, первый ихъ наставникъ въ Писательномъ искусствѣ; тотъ, который вооружалъ свой раз-

судокъ Сатирическими стрѣлами, который подавалъ наставленіе, показывалъ собою примѣръ, и установилъ строгіе *Аполлоновы* законы; онъ взиралъ на чадъ своихъ суровымъ окомъ; стыдился, что былъ отцомъ печальному *Двоесмыслію* (Equivoque) и смѣялся недостаточнымъ чертамъ изображеннымъ слабою и жестокою его кистію, коею обезобразилъ онъ завоевателя Намура. Онъ самъ ихъ вымарывалъ и потомъ обратясь къ намъ говорилъ: Или умѣйте сами себя познавать, или остерегайтеся писать.

Сей *Деспро* по особенному повелѣнію *Бога Вкуса* примирялся тамъ съ *Кинольтомъ*, который есть стихотворецъ однихъ только пріятностей, равно какъ *Деспро* стихотворецъ здраваго разсудка.

Но строгій Сатирикъ обнималъ еще съ бранью сего любви достойнаго и нѣжнаго Лирика, который со смѣхомъ во всемъ ему прощалъ.

Я не примирюсь съ тобою, говорилъ ему *Деспро*, ежели ты не признаешся, что есть довольно глупостей въ твоихъ столь пріятныхъ Операхъ. Можетъ статься! сказалъ *Кинольтъ*; но признайся также ты и самъ, продолжалъ онъ, что ты никогда не сочинялъ *Аттиса* и *Армиды*.

Въ сомнительныхъ красотахъ твоего сочиненія будь всегда справедливъ, исправенъ и разсудителенъ. Пусть творѣнія твои будутъ отъ всѣхъ почитаемы; но мнѣ позволь, по крайней мѣрѣ, быть любви достойнымъ.

Поклонясь Господину *Деспро* и обнявъ съ нѣжностїю *Киноль-та*, увидѣлъ я не подражаемаго *Моллїера*, которому осмѣлился сказать:

Красноречивый, но холодный *Терансъ* былъ первый изъ переводчиковъ; однакожъ онъ никогда холоднымъ своимъ красноречїемъ не описывалъ нравовъ Римлянъ: но ты былъ описателемъ нашихъ нравовъ, какъ во Францїи, такъ и во всей вселенной. Наши глупомыслящїе мещанѣ, наши гордые малые Маркизы и наши художники чрезъ тебя пришли въ познанїе самихъ себя; ты бы ихъ конечно исправилъ, ежели бы разумъ человѣческїй ко исправленїю былъ преклоненъ.

Ахъ! говорилъ онъ, для чего былъ я принужденъ писать

иногда для народа? и для чего не былъ всегда властенъ въ провожденіи моего времени! я обрѣлъ бы къ писанію лучшія матеріи и не уничижилъ бы столько моего разума сочиненіемъ театральныхъ Піесъ.

Такимъ-то образомъ всѣ сіи ученые люди, показывали свое превосходство, признаваясь въ своихъ заблужденіяхъ, коимъ всѣ великіе люди, не выключая ни одного, бываютъ подвержены. Тогда позналъ я, что *Бога Вкуса* весьма трудно было удовольствовать, и что онъ не любитъ

ничего несовершеннаго. Я увидѣлъ, что чемъ больше онъ какія сочиненія врозницу критикуетъ, то тѣмъ еще болѣе во обще они ему нравятся.

Никакой Писатель совѣтуя съ нимъ не сдѣлаетъ погрѣшностей; естьли же кто нашелъ искуство ему понравится, то тотъ, осуждаетъ его безъ досады, а похваляетъ съ восхищеніемъ. *Мелломена* блистая своими прелестями, представляла ему своихъ Героевъ, и сей *Богъ* съ пролитіемъ слезъ познавалъ ихъ нѣкоторыя погрѣшности. Нещастливъ тотъ, кто всегда только что разсуждаетъ, а никогда не смягчается! *О богъ Вкуса*! твой божественный *храмъ*, для таковаго, есть такое жилище, въ которое онъ никогда принятъ быть не можетъ.

Когда путеводители мои

назадъ возвращались, тогда Богъ говорилъ имъ почти въ таковомъ смыслѣ; ибо онъ не далъ мнѣ дарованія изъяснять точныя слова его.

Прощайте, дражайшіе мои любимцы! вы будучи преисполнены благодѣяніями Парнасса, не терпите, что бы въ Парижѣ соперникъ мой занималъ мое мѣсто. Я знаю, что предъ ваши просвященныя очи ложный *вкусъ* не посмѣетъ показаться; и ежели вы когда его увидите, то вамъ не трудно будетъ его познать; ибо онъ всегда бываетъ отягченъ многими украшеніями, прикрывая голосъ свой и лице притворными пріятностями и ложнымъ краснорѣчіемъ. Онъ присвояетъ себѣ мое имя и мое знамя; однакожъ обманъ его довольно быть можетъ примѣтенъ потому, что онъ есть только *сынъ Искуства*, а я *сынъ Природы*.

V

О ЗАВИСТИ.

Довольно то извѣстно, что древнїе Писатели говорили о сей постыдной страсти и что новѣйшїе то же самое подтверждали. *Гезїодъ* первый изъ Классическихъ Писателей говорилъ о ней слѣдующее.

„ Горшечникъ завидуетъ горшечнику, „ художникъ художнику, нищей нищему, „ музыкантъ музыканту, стихотворецъ „ стихотворцу.

Кажется, что *Мандевилъ* Сочинитель басни о пчелахъ, первый хотѣлъ доказывать, что зависть есть страсть самая хорошая и полезная. Съ начала самаго онъ утверждалъ, что зависть столь же естественна человѣку, какъ голодъ и жажда; что оная показывается во всѣхъ младенцахъ, также и въ лоша-

дяхъ и въ собакахъ. Ежели бы кто захотѣлъ, что бы дѣти его другъ друга возненавидѣли, то стоитъ только одного ласкать больше, нежели другаго, то симъ поселишь въ нихъ вѣчную ненависть.

Онъ также доказывалъ, что двѣ молодыя женщины сошедшись, съ начала стараются одна надъ другою подъсмѣяться, а потомъ подружатся.

Онъ думаетъ, что безъ зависти всѣ науки и художества были бы посредственны и что *Рафаелъ* никогда бы не былъ славнымъ живописцемъ, ежели бы не позавидовалъ *Михель-анжу*.

Можетъ быть *Мандевиль* ревнованіе почиталъ завистію; а можетъ быть сіе ревнованіе и въ самомъ дѣлѣ есть не иное что, какъ зависть заключающаяся въ предѣлахъ благопристойности.

Михель-анжъ могъ бы сказать *Рафаелу*: ,, твоя зависть не къ иному чему ,,тебя побудила, какъ сдѣлатся въ живо- ,,писи превосходнѣе меня. Ты симъ не причи- ,,нилъ мнѣ ни малаго вреда; ты не окле- ,,веталъ меня Папѣ; ты не старался, что ,,бы предали меня проклятїю за то, что ,,я въ картинѣ моей страшнаго суда напи- ,,салъ хромыхъ, слѣпыхъ и немощныхъ въ ,,Раю, а тучныхъ Кардиналовъ и прекра- ,,сныхъ женщинъ совсемъ нагихъ въ Адѣ. ,,И такъ сїя твоя зависть очень похваль- ,,на; ты самый добросовѣстный зави- ,,стникъ: будемъ же съ тобой хорошими ,,друзьями.

Но ежели какой *Завистникъ*, будучи безъ всякихъ дарованїй, завидуетъ другимъ въ хорошихъ достоинствахъ, подобно какъ нищїе завидуютъ богатымъ; ежели подстрекаемый убожествомъ и безчестною своею склонностїю, сочиняетъ онъ *Новости Парнасскія*; *Письма отъ Госпожи Гра-*

фини; *Ученые годы* и пр:, то таковой скотъ оказываетъ тѣмъ зависть ни къ чему не полезную, которую *Мандевиль* никогда похвалить не можетъ.

Вопросъ: Для чего древнїе полагали, что око *Завистника* очаровывало людей на него смотрящихъ? Надлежало бы лучше сказать, что сами *Завистники* очарованы.

Декартъ говоритъ, что *зависть производитъ желчь желтую, которая происходитъ отъ наружной части печонки, а желчь чорная происходящая отъ селезенки, разливается отъ сердца по всѣмъ жиламъ* и пр: Но какъ никакая желчь не происходитъ отъ селезенки, то *Декартъ* говоря сїе, казалося не заслуживалъ того, чтобъ завидовали ему въ его Физикѣ.

Нѣкто именемъ *Воїетъ*, очень худой богословъ, который обвинялъ *Декарта* въ

безбожіи, былъ весьма боленъ черною желчїю; однакожъ менѣе еще *Декарта* зналъ, какимъ образомъ его мерзкая желчь разливалася въ крови его.

Госпожа *Пернелла* справедливо сказала:

Завистники умрутъ, но Зависть никогда.

Также не худа и сїя пословица: *Лучше возбуждатъ противъ себя завистъ нежели сожалѣнїе.* И такъ, будемъ возбуждать зависть столько, сколько возможно.

VI

О ЗЛОДѢЯНІЯХЪ

ИЛИ

ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

ПО ВРЕМЕНАМЪ И ПО МѢСТУ.

Одинъ Римлянинъ убилъ по нещастію въ Египтѣ освященную кошку; народъ пришедшій отъ онаго въ ярость, наказалъ сего святотатца съ жестокостію, разорвавъ все его тѣло на части. Ежели бы сего Римлянина представили къ суду, и естли бы судьи имѣли хотя немного здраваго разсудка, то они бы только осудили его просить прощеніе у Египтянъ и укошекъ, и заплатить штрафъ или деньгами, или мышами. Они бы ему сказали, что надлежитъ почитать народныя дурачества, ежели кто не въ силахъ ихъ исправить.

Почтенный начальникъ сего судилища говорилъ бы ему почти подобнымъ сему об-

разомъ: Каждый народъ имѣетъ у себя предписанныя закономъ нелѣгости и преступленія, соображающіяся со временами и мѣстомъ. Ежелибы въ вашемъ Римѣ учинившемся обладателемъ всей Европы, ты убилъ священнаго цыпленка въ то время, когда даютъ ему кормъ, дабы чрезъ то узнать истинную волю Боговъ, то ты былъ бы за то очень строго наказанъ. Мы вѣримъ, что ты убилъ нашу кошку неумышленно, и потому дворъ нашъ дѣлаетъ тебѣ за твою неосторожность выговоръ, поди съ миромъ; но впредь будь поосторожнѣе.

Ничего не значитъ имѣть статую въ своихъ сѣняхъ; но естли бы въ то время, когда *Октавіи*, названный *Августомъ*, былъ самодержавнымъ владѣтелемъ, кто нибудь изъ Римлянъ осмѣлился поставить у себя статую *Брутову*, то былъ бы за то наказанъ такъ, какъ возмутитель. Ежели при

царствующемЪ тогда ИмператорѣЪ, какой гражданинЪ имѣлЪ у себя статую совмѣстника его вЪ Имперіи, то сіе почиталося оскорбленіемЪ величества и жесточайшею измѣною.

ОдинЪ АгличанинЪ, не имѣя никакого дѣла, былЪ нѣкогда вЪ Римѣ, гдѣ видѣлЪ Принца *Карла Едуарда* у одного Кардинала и тѣмЪ былЪ весьма доволенЪ. ПотомЪ возвратившись вЪ свое отечество, онЪ пилЪ вЪ кабакѣ за здоровье Принца *Карла Едуадра* и за то обвиненЪ былЪ вЪ оскорбленіи Величества и вЪ величайшей измѣнѣ. Но кому онЪ измѣнилЪ, когда говорилЪ пивши вино, что онЪ желаетЪ здоровья сему Принцу? Ежели бы онЪ дѣлалЪ покушенія возвести его на престолЪ, тогда былЪ бы виновенЪ противЪ своего отечества; но вЪ семЪ случае не видно, чтобЪ ПарламентЪ, слѣдуя совершенной справедливости, могЪ

отъ него требовать чего другаго, какъ того, чтобъ онъ выпилъ четыре стакана за здоровье дома *Гановерскаго*, ежели онъ выпилъ два стакана за здоровье дома *Стуартовъ*.

VII.

ПОХОЖДЕНІЕ ПАМЯТИ.

Мыслящій человѣческій родъ, т. е. не больше, какъ стотысящная часть всего человѣческаго рода, съ давняго уже времени думала, или по крайней мѣрѣ часто повторяла, что мы получаемъ понятія (idees) чрезъ одни только наши чувства, и что память есть единое токмо орудіе, чрезъ которое можемъ мы совокуплять два понятія и два слова.

Для сего самаго *Юпитеръ*, представляя собою природу, влюбился въ *Мнемозину*, Богиню памяти, съ первой минуты, какъ ее увидѣлъ; и отъ сего союза родились десять *Музъ*, которыя были изобрѣтательницами всѣхъ художествъ.

Сїе ученїе, на которомъ основаны всѣ наши познанїя, отъ всѣхъ вообще приняшо: и сама *Нескромность* не смотря на справедливость онаго, повиновалася ему съ самаго своего рожденїя.

Нѣсколько времени послѣ того спустя явился нѣкоторый умствователь, половино Геометръ и половино мечтатель, который возставши противу пяти чувствъ и памяти, говорилъ не большому числу мыслящаго человѣческаго рода: вы до нынѣ обманывались потому, что чувства ваши со всемъ для васъ безполезны; потому, что вы имѣли понятїя, прежде, нежели которое либо изъ вашихъ чувствъ могло дѣйствовать; и потому, что вы при самомъ вашемъ рожденїи имѣли уже всѣ нужныя познанїя. Вы и тогда обовсемъ уже знали, хотя никогда ничего не чувствовали. Всѣ ваши рожденныя съ вами понятїя имѣли

нѣкоторый союзъ съ вашимъ разумомъ, который называется *душею*, безъ помощи памяти. Слѣдовательно сїя память ни къ чему вамъ не нужна.

Нескромность опровергала сїе предложенїе, не для того, что оно было смѣшно, но для того, что казалося еще новымъ: но въ то время, когда нѣкоторый Агличанинъ началъ выводить доказательства, и притомъ весьма пространнымъ образомъ, что совсѣмъ нѣтъ врожденныхъ понятїй; что ничто столько не нужно, какъ пять чувствъ; и что память весьма много способствуетъ къ удержанїю вещей, посредствомъ пяти чувствъ постигаемыхъ; тогда *Нескромность* опять стала опровергать собственныя свои мысли для того, что Агличанинъ имѣлъ точно такїя же мнѣнїя. Въ слѣдствїе сего она повелѣла роду человѣческому послѣдовать впредь врожденнымъ поня-

тїямъ, и невѣрить болѣе ни пяти чувствамъ, ни памяти. Человѣческїй родъ вмѣсто того, чтобъ оказать свое повиновенїе, смѣялся только *Нескромности*. Которая въ такой пришла гнѣвъ, что хотѣла было зжечь философа; ибо философъ говорилъ: не возможно имѣть совершеннаго понятїя о сырѣ, невидавши онаго и неотвѣдавъ; сверхъ же того преступникъ сей осмѣлился утверждать, что мущины и женщины никогда бы не могли вышивать ковровъ, естьли бы не имѣли иголъ и перстовъ.

Аїолисты въ первый еще разъ отъ своего рожденїя къ *Нескромности* присоединились; а къ нимъ пристали на короткое время и Янсенисты, смертельные враги Аїолистовъ. Они въ помощь къ себѣ призвали древнихъ Дикастериковъ, которые были великїе философы, и всѣ совокупно изгнали память и пять

чувствѣ, равно какъ и похвалявшаго оныхъ философа.

При изреченіи сими господами приговора случилось быть коню, который хотя и другаго былъ рода, и хотя многія между ими находились несходства, какъ то въ ростѣ, въ головѣ, въ длинѣ гривъ и ушей; однако имѣлъ разумъ и пять чувствъ. Онъ увѣдомилъ нѣкогда о всемъ томъ въ конюшнѣ моей Пегаса; а сей разсказывалъ оную исторію Музамъ съ обыкновенною своею живостію.

Музы, которыя около ста лѣтъ благодѣтельствовали сей погружавшейся долгое время въ невѣжествѣ странѣ, гдѣ оное приключеніе происходило, были весьма тѣмъ оскорблены. Они нѣжно любили мать свою память, или Мнемозису, которой сіи девять сестръ обязаны всемъ своимъ знаніемъ. Они не писали Сатиръ на древнихъ Дикастери-

ковъ, Лїолистовъ, Янсенистовъ и *Нескромность*: по колику Сатиры людей не исправляютъ, а только что раздражаютъ безумцевъ, и содѣлываютъ ихъ еще злѣйшими; но вздумали просвѣтить ихъ посредствомъ наказанїя. Человѣки порицали память, чего ради и лишили ихъ сего небеснаго дара, дабы они хотя единожды возчувствовали, каково безъ помощи онаго жить.

Такимъ образомъ, въ самую полночь, толикая въ мозгу всѣхъ людей здѣлалась тягость, что всѣ они на утрїе проснулись безъ малѣйшаго о прошедшемъ воспоминанїя. Нѣкоторые Дикастерики, покоившїеся со своими супругами, хотѣли было, по остатку независящаго отъ памяти побужденїя, къ нимъ подвинуться; но супруги, имѣвшїя весьма рѣдко побужденїе обнимать своихъ мужей, непрїятныя ихъ ласки, съ грубостїю отвергнули. Мужья сер-

дились, жены вопили, и почти во всѣхъ семействахъ доходило до драки.

Господа, нашедши четвероугольные колпаки, употребляли оные для нѣкоторыхъ надобностей, отъ которыхъ ни Память, ниже здравый разсудокъ освободить не въ состоянїи. Госпожи, для таковыхъ же надобностей, употребляли банки, къ уборнымъ столикамъ ихъ принадлежавшїя. Служители, забывши заключенные съ господами своими договоры, вошли въ ихъ покои, невѣдая и сами, гдѣ они находились. Но какъ человѣкъ сотворенъ любопытнымъ, то они открыли всѣ выдвижные ящики; и поелику человѣкъ отъ природы любитъ блескъ золота и серебра, не находя къ тому нужды и въ памяти; то они забрали все, что въ руки имъ ни попалось. Господа хотѣли было кричать: воры! но какъ понятїе о ворѣ изъ мозга ихъ вышло, то и слово сїе не могло

попасть имъ на языкъ. Каждый, забывъ природное свое нарѣчїе, испускалъ только нестройной голосъ. Тогда большее видимо было смятенїе, нежели какъ при Вавилонскомъ Столпотворенїи, гдѣ каждый въ минуту изобрѣталъ новый языкъ. Врожденное въ чувствахъ молодыхъ слугъ притяженїе къ пригожимъ женщинамъ стало столь сильно дѣйствовать, что оные невѣжды съ наглостїю бросались на первыхъ встрѣчавшихся съ ними женъ, или дѣвокъ, неразбирая ихъ званїя и состоянїя; а сїи непомня болѣе о правилахъ цѣломудрїя, допускали ихъ поступать по своей волѣ.

Надлежало обѣдать; никто не зналъ, какимъ образомъ къ тому приступить; никто не былъ на рынкѣ ни для продажи, ни для покупки. Служители надѣли на себя господское платье; а господа одѣлись въ кафтаны своихъ слу-

жителей и всѣ казались безумными. Имѣвшїе болѣе ума для промышленїя себѣ нужнаго, были люди послѣдней степени, они достали себѣ не много пищи; прочїе же во всемъ терпѣли недостатокъ. Первый Президентъ и Епископъ ходили обнаженными; а изъ конюховъ ихъ одни въ красныхъ мантїяхъ, а другїе въ Далматическихъ одеждахъ щеголяли. Все было въ разстройкѣ, все клонилось къ погибели, по причинѣ нищеты и голода, произшедшихъ отъ недостатка въ разумѣнїи.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего Музы почувствовали къ сему бѣдному роду сожалѣнїе. Онѣ хотя и поражаютъ иногда злонравныхъ людей своимъ гнѣвомъ, однакожъ милосерды. И такъ онѣ стали мать свою просить о возвращенїи симъ богохульникамъ памяти, которой она ихъ лишила. Мнемозиса спустилась къ жилищу своихъ враговъ, гдѣ

съ толикимъ дерзновенїемъ была порицаема, и говорила имъ сїи слова: Слабоумные! я васъ прощаю; но только помните впредь, что не имѣя чувствъ, не имѣютъ и памяти, а безъ оныя нѣтъ и разума.

VIII.

О МЕЧТАТЕЛЬНОСТИ СОВЕРШЕННАГО БЛАГА.

Благополучїе есть мысль мечтательная, составляющаяся изъ нѣкїихъ токмо ощущенїй утѣхи. Платонъ, который лучше писалъ, нежели разсуждалъ, вымыслилъ свой мїръ образцовой, или примѣрной. Его общественныя мнѣнїи о благѣ, о порядкѣ и о истинѣ, изъяснены были, такъ, какъ бы были особливыя вѣчныя существа, называемыя: порядокъ, благо, истина; отъ коихъ произошли слабыя изображенїя того, что намъ здѣсь кажется истиною, благополучїемъ и благомъ.

Послѣ Платона, слѣдуя симъ его умоположенїямъ, многїе философы искали совершеннаго блага; равнымъ образомъ, какъ

Химики ищутъ философическаго камня, однакожъ оное не болѣе существуетъ, какъ совершенный четыреугольникъ, или совершенный алый цвѣтъ; то правда что есть алые цвѣты, есть также и четыреугольники; но нѣтъ особливаго таковаго существа, которое бы такъ называлось. Сей мечтательный образъ разсужденія долгое время повреждалъ философію.

Животныя чувствуютъ удовольствія исполнять все дѣйствія, къ коимъ онѣ опредѣлены природно; воображаемое благополучіе должно бы составлено быть изъ непрерывной цѣпи забавъ, и непрестаннаго удовольствія: но таковое установленіе совсѣмъ не согласно съ нашими свойствами, и съ нашимъ предопредѣленіемъ.

Переходить непрестанно, безъ всякаго помѣшательства, отъ одной утѣхи къ

другой есть также одно только мечтательное воображенїе. Беременной женщинѣ непремѣнно надлежитъ родить, что причиняетъ ей великой трудъ и болѣзнь; а мущинѣ должно распиливать лѣсъ, и обтесывать камни, что также не можетъ почесться утѣхою.

Ежели люди даютъ названїе: блага, нѣкоторымъ утѣхамъ услаждающимъ насъ въ сей жизни, то можно сказать, что есть совершенное благо. Ежелиже дается сїе названїе утѣхѣ, непоколебимо всегда пребывающей, или непрестанному продолженїю различныхъ прїятнѣйшихъ и усладительныхъ чувствъ, то благо на семъ Земномъ Шарѣ не обитаетъ, а надлежитъ искать индѣ.

Ежели называютъ благомъ человѣческое состоянїе., какъ то: богатство, власть, славу и пр: то и всѣмъ не мѣнѣе обманываются; ибо случается иногда, что и Угольникъ бываетъ благо-

получнѣе Государя. Пусть спросятъ у Кромвеля: довольнѣе ли онъ былъ тогда, когда былъ владѣтелемъ, нежели когда, въ молодости своей, хаживалъ по трактирамъ? То безъ всякаго сомнѣнія будетъ онъ отвѣтствовать, что то время, когда употреблялъ онъ надъ людьми безчеловѣчную свою жестокость не весьма его утѣшало! Сколько на свѣтѣ есть безобразныхъ мѣщанокъ, которыя почитаютъ себя довольнѣе Елены и Клеопатры. — Но надлежитъ сдѣлать здѣсь небольшое примѣчаніе; когда мы говоримъ: что по видѣмому сътаковой-то человѣкъ благополучнѣе сего другаго, что молодой извощикъ имѣетъ великія преимущества предъ Карломъ пятымъ, что торговка продающая модные уборы довольнѣе Принцесы, то мы должны тогда полагаться на слѣдующую вѣроятность; понеже весьма то примѣтно, что извощикъ будучи здо-

ровъ, утѣшается болѣе Карла пятаго страждущаго отъ подагры; однакожъ такъ же легко случиться можетъ, что и Карлъ пятый, ходя на костыляхъ восхищается мысленно, воспоминая о томъ, что онъ Короля Французскаго и Папу Римскаго, имѣлъ нѣкогда своими плѣнниками, то въ семъ случаѣ, при всемъ его страданіи отъ болѣзни, участь его можетъ почесться лучшею здороваго извощика.

По истинѣ, принадлежитъ единому токмо Богу, сему всевидящему Существу, который во всѣ сердца проницаетъ, судитъ о томъ; кто изъ смертныхъ щасливѣе всѣхъ на свѣтѣ. Есть одинъ только таковый случай, когда человѣкъ утвердительно можетъ сказать о настоящемъ его состояніи; хуже ли оно, или лучше состоянія его сосѣда; а сіе можетъ случиться въ разсужденіи со-

перничества въ любви, и въ минуту совершенной его побѣды.

Я полагаю, чтобъ Архимедъ имѣлъ назначенный часъ къ ночному свиданїю съ своею любовницею, и тотъ же бы самый часъ назначенъ былъ и къ такому-же свиданїю его сопернику. Архимедъ подходитъ ко входу въ комнату своей любовницы, и отъ него тотчасъ дверь запираютъ; а отворяютъ оную для его соперника, котораго подчиваютъ тамъ хорошимъ ужиномъ, въ то самое время насмѣхается онъ надъ Архимедомъ, и забавляется потомъ съ своею любовницею между тѣмъ, какъ тотъ стоя на улицѣ терпитъ великое беспокойство отъ стужи, дождя и града. Въ таковомъ случаѣ по справедливости сей его соперникъ можетъ сказать: я въ сїю ночь щастливѣе Архимеда; ибо я имѣю болѣе его удовольствїя, однакожъ надлежитъ ему къ оному присовокупить, что

онъ можетъ назвать себя благополучнѣе Архимеда тогда, когда тотъ въ ту ночь ни въ чемъ болѣе не упражнялся, какъ печалился и досадовалъ о томъ, что не имѣлъ хорошаго ужина, что былъ презрѣнъ и обманутъ прекрасною женщиною, что мѣсто его занималъ соперникъ, и что онъ терпѣлъ великое безпокойство отъ дождя, отъ града и отъ стужи. Ежели же, напротивъ того, сей Философъ стоя на улицѣ упражнялся въ разумныхъ размышленїяхъ, и никакая бы красавица, ниже сильный дождь, не могли бы нарушить спокойствїя души его; ежели онъ дѣлалъ рѣшенїе важной задачи, и изслѣдывалъ размѣренїе Цилиндра и Сферы; то будучи въ такомъ состоянїи, могъ онъ ощущать удовольствїя во сто разъ болѣе своего соперника.

И такъ, въ одномъ только случаѣ бываетъ чувствуемо истинное утѣшенїе

и дѣйствительная досада, когда можно сдѣлать сравненіе между состояніями двухъ человѣкъ, не входя въ другія обстоятельства. Нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнія, что тотъ, кто забавляется съ своею любовницею, бываетъ въ ту же минуту щастливѣе своего соперника, который будучи презрѣнъ произноситъ жалобу и стенаніе. Человѣкъ здоровый, который ѣстъ хорошихъ рябчиковъ и куропатокъ, безъ сомнѣнія въ ту минуту благополучнѣе, человѣка страждущаго отъ жестокой колики; однакожъ не возможно еще совершенно воономъ увѣрить, и нѣтъ никакого способа учинить соразмѣрность въ состояніи одного человѣка съ другимъ; ибо никакими вѣсами не можно извѣсить человѣческихъ чувствъ и желаній.

Мы начали сію матерію Платономъ и его совершеннымъ благомъ; а кончимъ Солономъ и его знаменитымъ словомъ,

которое выговорилъ онъ весьма удачно; т: е: прежде смерти не надлежитъ называть благополучнымъ. Сїя рѣчь въ самомъ дѣлѣ ничего не значитъ, равно какъ и многїя другїя древнїя нравоученїя. Смертная минута ничего не имѣетъ общественнаго съ приключенїями, случающимися въ жизни человѣческой; ибо можно погибнуть жестокою и безчестною смертїю; а до самой смерти вкушать все утѣхи и удовольствїи, каковыя природа человѣческая ощущать можетъ. Очень возможно, и весьма обыкновенно случается, что и самой благополучный человѣкъ, приходитъ въ нещастїе, и кто бы въ томъ усумнился? Однакожъ таковый въ жизни своей довольно имѣлъ минутъ благополучныхъ.

Что же значитъ сїя смерть Солонова? не то ли, что онъ не былъ дово-

льно увѣренъ, чтобъ человѣкъ наслаждающїйся утѣхами сего дня, могъ оныя вкушать завтра; есть ли онъ мыслилъ такъ, то о сей неоспоримой справедливости и говорить труда бы нестоило.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

матеріямъ

въ третей части.

